

ЭРА БЕЗУМИЯ

ПРИЮТ ЗАБЫТЫХ ДУШ

Харитонов Юрий

Юрий Харитонов

Приют забытых душ

«Литнет»

2024

Харитонов Ю.

Приют забытых душ / Ю. Харитонов — «Литнет», 2024

Неизвестные похищают детей. Забирают их из семей, увозят куда-то далеко и не возвращают. Дети оказываются в «Приюте забытых душ», и надежда на спасение едва теплится в их сердцах. Кажется, о них все забыли, и помощь не придёт. Но похитители выбрали не тех жертв. За ними в погоню бросились разъярённые люди, ведомые жаждой мести, чтобы раз и навсегда восстановить справедливость. Мужчина и женщина отправились в этот путь по разным причинам, но их дороги, словно бикфордов шнур, ведут к одному — к запалу праведного гнева. И когда они пересекутся в одной точке, случится... Взрыв.

© Харитонов Ю., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

***	5
Пролог	6
Глава 1. Засада	10
Глава 2. Твари	14
Глава 3. Слишком длинная ночь	18
Глава 4. Обратного пути нет	22
Глава 5. Орден нефтяников	29
Глава 6. Жестокий отбор	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дочери: спасибо за осознание мной того, какими наивными и одновременно взрослыми, а порой до жути мудрыми могут быть дети.

— Ты слышишь, как ветер разносит чужие души?

— Да, Отец.

— Чуешь запах тлена, что вместо положенного ему подземелья стоит над землёй?

— Да, Отец.

— Слышишь неутрахающие крики женщин и детей?

— Да, Отец.

— Ты хочешь всё вернуть и забыть День Великой Чистки, как страшный сон?

— Да, Отец!

— Ты — лекарь нового мира.

— Я — лекарь нового мира.

— Ты — защитник *Homo sapiens*.

— Я — защитник *Homo sapiens*.

— Ты — искатель юных душ.

— Я — искатель юных душ.

— Чистых душ, незараженных чумой двадцать первого века...

— Чистых душ, незараженных чумой двадцать первого века.

— Ты найдёшь выживших и казнишь всех старше восемнадцати за их вину перед потомками. Также и юродивых, обезображенных и пострадавших от радиации: на них проказа, и Бог отметил их. А детей, не подверженных болезни, чистых и здоровых, соберёшь. С их помощью мы создадим новый мир, новый порядок, новых людей. Поклянись служить Храму Новой Жизни!

— Клянусь! Во славу великого Атома Стронция, показавшего несостоятельность прошлого, во имя Изотопа Урана, который забрал тех, кто не способен был жить, и продолжает забирать. Клянусь! Я отыщу всех...

— Тогда приступим!

Пролог

Десятилетняя Катя была девочкой непослушной. Она часто убегала из дома, чтобы прогуляться по пустующему посёлку. Бродила по заброшенным домам, играла с тенями, ловила редкие снежинки, по какой-то неведомой причине залетевшие в осенний дождь, и с любопытством исследовала старые вещи, воображая, какие истории они скрывают. Её особенно привлекали фотографии: на них были запечатлены люди, которых в посёлке никогда не видели. Странные, весёлые лица, которых теперь не встретишь среди угрюмых взрослых. Почему же сейчас все такие хмурые? Почему разучились радоваться, как люди с ярких картинок?

Родители порой сбивались с ног в поисках дочери, но вскоре махнули рукой — особой опасности не было. Пустошь давно обезлюдела, уже лет десять никто здесь не жил. Люди исчезли бесследно, как и животные. Волки траву не едят, да и рыси тоже. Кого бы тут охотники преследовали? Даже бродячие собаки ушли в более крупные поселения. Местные кошки остались, но не одичали: по утрам Ма подкармливала их коровьим молоком. Кошки оказались полезными — держали мышей и птиц, разносчиков болезней, подальше от дома. Ведь девятнадцать лет назад их первенец умер от неизвестной заразы, затем ушли в Край Вечности ещё двое. И только спустя десять лет родилась здоровая Катя, ставшая для родителей настоящим чудом.

Девочку с детства учили: увидишь или услышишь что-то подозрительное — сразу беги домой и кричи изо всех сил. Несколько раз Катя уже прибежала с испуганными глазами. Первый раз — когда впервые увидела зайца. Отец выбежал с ружьём, но заяц, никогда не видевший людей, спокойно смотрел на него. В тот вечер семья устроила пир с зайчатинной. Второй раз Катя встретила медведя. Она не закричала, а тихо прокралась заросшими огородами домой и сообщила об этом. Отец застрелил медведя, и теперь его шкура согревала их долгими зимними вечерами.

С тех пор родители перестали волноваться: «Пусть гуляет», — говорили они. У них ведь теперь был свой маленький «защитник». Или, как Па любил называть её, Сигналка. Чуть что — Катя поднимала такой крик, что тревога разносилась по всем окрестным сёлам.

В тот день было особенно пасмурно. Небо давило серостью, а холодный осенний дождь лениво моросил. Осень никак не хотела уступить зиме: снег выпал, но быстро растаял под тёплыми дождями, смешавшись с грязью. Катя шагала по вязкой жиже в старых резиновых сапогах, обходя глубокие лужи и держась ближе к поваленным заборам. Дома, полусгнившие за последние двадцать лет, стояли уныло, как и сами жители, которых больше не было. Малина разрослась настолько, что покрыла половину улиц, заслоняя дальние дома, словно природа пыталась скрыть печальную картину разрушенного посёлка.

Особенно Катя любила дом бабы Нюры, умершей пять лет назад. Он стоял на пригорке, с которого открывался вид на холмы. Изба сохранилась лучше прочих, и Катя ухаживала за ней: стирала пыль с деревянных поверхностей, мыла полы и наслаждалась запахом влажной древесины. Она любила перебирать старые бабушкины покрывала, стирать их в ручье, а затем возвращаться в избу и садиться в старое кресло с фотоальбомом. Вглядываясь в фотографии, она представляла себе ту жизнь, которой никогда не знала. В отличие от тусклого настоящего, на снимках всё было ярким и радостным. Дети катались на необычных ярких игрушках, ели пирожные, которых Катя никогда не видела, и играли вместе на небольшом участке земли. Детей тогда было много, и они никогда не скучали, в отличие от Кати, которой приходилось помогать родителям ухаживать за скотом — её единственным «развлечением» в этом забытом мире.

Катя и сегодня направлялась к своей любимой избушке. Хотелось отдохнуть от серых будней и представить, как вместе с другими детьми она весело катается на каруселях — она

всё-таки выпытала у Па, как называются эти яркие штуки. В её воображении оживала совершенно другая жизнь, настоящая детская жизнь, какая была у всех детей до неё. Среди фотографий она нашла одну особенно необычную. На ней, обнимая радостных детей, ярко-рыжий клоун — так назвал его Па после того, как Катя описала изображение — смотрел с улыбкой. Его лицо было белым, глаза обведены голубой краской, а губы — ярко-красные, непривычно большие, заставляющие невольно улыбнуться в ответ. В руках у него были привязанные к верёвочкам разноцветные шары, которые парили над детьми, отражая свет. Фотография дышала добром и радостью, и от этого на душе становилось немного грустно: Катя понимала, что ей не суждено испытать ничего подобного. Мир утратил свои яркие краски, и девочке оставалось довольствоваться лишь серостью, царившей вокруг.

Катя вздохнула, вспоминая ту фотографию, и вдруг замерла. Что-то ярко-красное мелькнуло вдалеке за кустами. Поворот дороги и густые ветки скрывали предмет, летящий в небе, но её сердце забилося быстрее: это пятно напоминало тот самый шарик с фотографии.

Катя ускорила шаг. Что же это могло быть? Откуда взялось? Неужели такое возможно в её мире? Воображение нарисовало потерявшийся воздушный шар, который улетел от своего хозяина. Чувство осторожности исчезло, и Катя поспешила к кустам. Нужно было разглядеть это поближе! А вдруг удастся поймать шарик? Может, этот серый день наконец превратится в праздник, как на той фотографии?

Но чем ближе она подходила, тем больше её охватывало разочарование. Это был не шарик. Когда она выбежала из-за кустов, то увидела в небе нечто странное — красный квадрат. Он парил слишком высоко, и это точно был не воздушный шар. Еле заметная верёвка тянулась вниз, за дом бабы Нюры. Но надежда на чудо не отпускала ребёнка. Может, это всё-таки какой-то необычный шарик, просто он... квадратный? Катя побежала к дому, с надеждой глядя на верёвку, словно в её конце мог скрываться подарок.

Но когда девочка выбежала из-за последнего дома, ей открылось нечто совсем другое. На дороге стояло странное металлическое сооружение на гусеницах, к которому был прицеплен длинный фургон. На его блеклом красном корпусе была видна белая надпись: «The Coca-Cola company». Катя не умела читать, но это было не важно — девочку испугало вовсе не это. Рядом с машиной стояли люди и возились с ржавыми металлическими лентами на гусеницах. Казалось, они не заметили её. Верёвка от красного квадрата в небе была привязана к крыше этой машины.

Катя отпрянула и развернулась, собираясь убежать, но перед ней внезапно возник огромный мужчина, преградивший путь. Он широко расставил ноги и руки, заслоняя собой дорогу. Из-под его маленькой шапки торчала копна ярко-рыжих волос, и такого же цвета борода топорщилась в стороны. На его лице застыла довольная ухмылка. Незнакомец был одет в грязный комбинезон защитного цвета и пушистые серые сапоги, название которых — унты — Кате было незнакомо. Из-за его спины угрожающе выглядывал ствол какого-то оружия.

— Деточка, поиграть не хочешь? — раздался низкий, глухой голос рыжего.

— Н... н... н... нет, — с трудом выдавила Катя, заикаясь от страха. Бородач был похож на медведя, только в рыжего и в одежде.

— Да не бойся ты! Я ведь добрый! Ничегошеньки тебе не сделаю, — здоровяк присел на одно колено, но даже так всё ещё возвышался над девочкой. — Я пришёл тебя спасти. — Он вдруг затряс головой и, передразнивая её, с издёвкой повторил: — Не-не-не-не, не бойся меня.

— Н-н-не н-н-надо меня спасать, дяденька клоун! — дрожащим голосом вымолвила девочка, вспомнив, как Па рассказывал про ярких, странных людей.

— Клоун? Хе-хе, — рыжий осклабился ещё шире, обнажив чёрные гнилые зубы. — Не-не, девочка, ты ошибаешься. Я не клоун...

— Клоун-клоун, — убеждённо перебила Катя. — Я на картинке видела! И Па рассказывал, что такие, как ты, — клоуны!

Рыжий нахмурился и резко изменил тон.

— Па, говоришь? — его глаза вдруг вспыхнули интересом. — Он где-то рядом?

— Рядом-рядом, — кивнула девочка, надеясь, что его это отпугнёт.

Рыжий окинул взглядом пустые улицы, всматриваясь в дома. Но Па нигде не было видно. Он снова повернулся к Кате, его ухмылка стала ещё шире.

— Слушай, а что это у тебя в руке? — Он указал на тесак. — Давай лучше дружить. У меня тут целая куча игрушек. Хочешь посмотреть?

— Что такое игрушки? — спросила Катя, напрягшись и сильнее сжав длинный нож, с которым после встречи с медведем всегда ходила гулять. Конечно, она никогда бы не победила медведя, но тесак придавал уверенности. Вон даже рыжий на него внимание обратил и явно оценил оружие девочки.

— Это... — Рыжий замешкался. — Это такие штуки, которыми дети играют.

— А! Это карусели! — вспомнила девочка.

— Карусели? — на мгновение он задумался, а потом кивнул. — Именно! У меня их много! Так что, пойдём? Посмотрим вместе?

Катя стояла неподвижно, сжав нож в руке. Мысли путались, а сердце колотилось от страха. Она пыталась решить, что делать: идти с этим страшным «клоуном» не хотелось, но и не отвечать ему тоже было страшно. Вдруг клоун что-то не знает? Например, что Па где-то рядом и что её семья — здесь.

И она вдруг быстро сообразила, что клоун-то ничего не знает. Он не ведаёт о её отце и о её семье! В следующий момент Катя резко дёрнулась в сторону и бросилась в кусты, скрываясь от взгляда пришлого. Рыжий лишь ухмыльнулся, глядя, как девочка растворяется среди ветвей.

— Где есть девочка, там и родители. Без них тут не выжить, — пробормотал он себе под нос. Его взгляд стал жёстким. Он знал, как отличить заброшенные дома от тех, где ещё живут люди.

— Эх, егоза! — вздохнул он, вставая на ноги. — Свирид! Виктор! За мной!

Двое мужчин, до этого возившихся у фургона, откликнулись и пошли вслед за рыжим. Но они не гнались за девочкой — они искали её дом.

Катя бежала, цепляясь за ветки кустов и спотыкаясь, падая на холодную землю. Сердце её бешено колотилось, а тело дрожало от страха. Она мчалась мимо покосившихся домов, похожих на маленьких старых гномов с облезлыми крышами-шляпами. Нужно успеть предупредить родителей! В селе незнакомцы! Зачем они пришли? Она не знала, но в душе уже разливался страх. Что-то было неправильным в их появлении, что-то пугающее, незнакомое виделось в этом огромном фургоне с непонятной надписью на неизвестном языке. Хоть Катя и не умела читать, но всяко русские-то буквы знала! А этот клоун — он ненормальный! Страшный, уродливый! И глаза его... Злые глаза!

Катя не жалела ног, срываясь в бег и игнорируя боль от беспощадных веток, хлеставших по лицу и рукам. Она должна предупредить Па и Ма. Незнакомцы несли угрозу, которую она не могла объяснить, но чувствовала каждой клеткой своего тела.

Остановившись на мгновение, Катя прислушалась. Сердце колотилось, а дыхание с хрипом вырывалось из груди. Она потеряла нож где-то по пути, но это было не важно. Что важнее — она больше не слышала погони. Куда они делись? Почему не бегут за ней? Может, они не смогли пройти через густые заросли кустарника? Катя осторожно пробиравась вперёд, уверенная, что сбила их с толку. Она знала эти места, как свои пять пальцев.

Ещё немного, и она будет дома. Всё будет хорошо. Па и Ма всё узнают, они смогут защитить её. Но что-то в этом всё было странным. Эти люди... Кто они? Почему пришли в их забытое всеми село? Или почему вернулись? Она подумала о том, что это могут быть не те, кто ушёл когда-то. Неужели они разберут свои старые избы и поселятся в них? И куча странных и

страшных, одновременно, мужчин станут жить рядом с ними... А что, если они пришли сюда не случайно?..

Катя, ломая ветки кустарника, выскочила к родному дому и замерла в ужасе. Её взгляд встретило дуло оружия. Какого — она не знала, но это не имело значения. Его держал тот самый рыжий клоун. Сердце забилося в бешеном ритме, готовое выпрыгнуть из груди. На земле, тяжело дыша и постанывая, лежал её отец, а рядом — мать. Она лежала неподвижно, с широко раскинутыми руками, устремив стеклянные, безжизненные глаза в небо. Кровавое пятно на груди расплылось, словно язва, и казалось, что оно поглощает всё вокруг.

Из избы выскочил один из мужчин, держа за ногу её младшего братика, Витьку. Второй, холодно целясь в голову её отца, молча ждал.

— Мутант, — произнёс первый, поднимая ребёнка повыше, словно демонстрируя улов. Младенец отчаянно закричал, лицо его налилось ярко-красным цветом от прилива крови. — Уши нетипичные и перепонки между пальцами.

— Витька... — прошептала Катя, сердце сжалось в болезненной судороге. Она дёрнулась в сторону брата, но не успела сделать и шага.

— Стоять, — хрипло бросил клоун, вдавливая ствол оружия в её живот.

— Но... — Катя едва смогла вымолвить, глаза забегали по мёртвой матери, отцу, который ещё стонал, и брату. — Это мой брат! И родители...

— Хочешь, чтобы всё было хорошо? — рыжий выдал мерзкую ухмылку, его зубы зловеще блестели в сером свете. — Хочешь?

Катя кивнула, не в силах сказать ни слова.

— Тогда ты должна пойти со мной, — сказал он, ослабившись ещё шире. — Мы будем много играть, вкусно есть... и карусельки! Будут тебе весёлые карусельки. Я обещаю...

Она замерла, ужас приковал её к земле. Стон отца, крик брата — всё смешалось в какофонию страха. Но главное — почему мама не двигается? Почему?

— Решайся, — клоун продолжал говорить мягко, почти ласково, но в его голосе был холод, как в зимнем студёном ветре. — Если пойдёшь со мной, с твоими родными ничего не случится. Я не трогаю мутантов, если они не трогают меня. А твой братик — мутант. Его родители виноваты в этом. Только ты можешь их спасти. Ты же хочешь, чтобы они были в безопасности?

Катя сглотнула, дрожащая рука тянулась к клоуну, как будто это было единственным выходом. Страх заглушил всё — даже голос разума. Она кивнула.

Клоун крепко схватил её маленькую руку, и девочка почувствовала, как сильные, грубые пальцы сжали её ладонь, не оставляя шанса вырваться. Он тащил её за собой, не оглядываясь. Мужчины, исполняя его молчаливый приказ, остались позади.

Они почти дошли до поворота, когда раздались два глухих выстрела. Вздвигнув, Катя рванулась назад, но клоун с дьявольской быстротой схватил её за шкуру и, словно тряпичную куклу, прижал к себе.

— Всё хорошо, деточка, всё хорошо, — его голос был липким и гадким, будто змея шипела ей в ухо. — Мы идём туда, где много таких же детей, есть игрушки... и красный-красный змей. Ты увидишь его. Тебе не место с мутантами.

Катя закричала, её крик был высоким, пронзительным, не прекращающимся. Она вырывалась, била кулачками по его груди, но клоун сжал ребёнка ещё сильнее, не позволяя двигаться. Она уже не думала — только чувствовала. Хотела обратно, к родителям и братику, но сильные руки клоуна казались тисками.

Слёзы душили её, она захлёбывалась в рыданиях, и вскоре тьма, как густой плотный саван, накрыла её сознание. Глубокий обморок наконец освободил её от страха, но не от ужаса, который впереди.

Глава 1. Засада

Пошёл снег — беда! По грязи тяжело будет тащить тушу мутанта до села, но деваться некуда: жёны и дети ждут еды, а поиск другой добычи отнимет слишком много времени. Семья будет голодать! Ну, ничего, как-нибудь дотащат. Если что, и дочка поможет. Ей уже пятнадцать, и она не по годам крепка и росла: этот жестокий мир не даёт оставаться нежным долго. Он закаляет, и, если ты не инвалид, просто обязан стать сильным. Вот и Саша удалась — кровь с молоком, с десяти лет помогала отцу на охоте. Окрепла так, что любому парню её возраста или старше фору даст. Правда, парней теперь и не встретишь: километры вокруг пусты, людей не найдёшь. С месяц назад только один путешественник заглянул. То ли врач, то ли кто другой, но жизнь его пришлось спасать. Хорошо, что шершни тут ядовитые — уж антидот посильнее адреналина. За последние десять лет это был первый чужак в их общине. Неделию назад он куда-то в сторону Москвы ушёл. Да и ладно, меньше народу — больше кислорода, а своим кормиться надо, не пришлым.

Михаил Семёнович Прохоров, известный в семье как Отец, раздвинул кусты, за которыми прятался. Где же Алекса? Она должна была обойти пруд и начать кидать в воду палки и камни. Напуганный мутант должен был выскочить из воды и побежать в сторону охотника. Вот тут-то его Семёныч и подстрелит. Способ охоты на эту амфибию они уже давно освоили, и ещё ни одна тварь не ушла. Зимой у мутантов вылупляется потомство, которого, если хорошенько поохотиться по весне, хватает на всё лето. Конечно, зимой водоём замерзал, и тогда добычу искали другими способами. Но пока лёд не сковал пруд, эти мутанты обеспечивали семью мясом, каким не могли похвастаться даже лучшие дома Парижа. Такие лягушки там точно не водились! Да и свиней таких размеров раньше не было. Видимо, амфибии пришлые, ведь радиации в этих местах нет. Может, и была когда-то, да развеялась. В первые десять лет Михаил не замечал этих гигантов в пруду. Откуда они взялись теперь — кто разберёт?

Прохоров занервничал, сжимая цевьё охотничьего ружья МР-94, патроны для которого делал сам. Отец и дед, ещё в советские времена, были заядлыми охотниками и передали ему все свои знания и навыки. В доме до сих пор хранились запасы материалов для изготовления патронов, оставшиеся ещё с довоенной жизни. Его семья всегда славилась запасливостью, и это особенно помогло после Катастрофы. Многие побросали всё и отправились искать лучшие места, не понимая, что земля без радиации — уже драгоценный дар. А он остался, приспособился, да и девчонки хорошие к нему прибились, хозяйственные. Ну и что, что много их на одного — справлялся как-то, и дети всегда были сыты.

С той стороны раздался визг. Александра! Сердце сжалось: что-то пошло не так. Не раздумывая, Прохоров помчался на другой берег пруда. Бежать было нелегко: густой кустарник цеплялся за одежду — ватник, местами рваный, и засаленные, затвердевшие ватные штаны. Ноги в армейских берцах спотыкались о корни.

План по отлову мутантов дал сбой. Придётся позже обдумать, что улучшить в тактике охоты, а сейчас надо спешить. Огромные жабы, доходившие до половины человеческого роста, были крайне опасны. Их широкие пасти, полные мелких зубов, могли перемалывать даже древесину. Однажды Михаил видел, как такая тварь утащила под воду огромного серого пса, предварительно задушив его своими мощными челюстями, причмокивая при этом. С тех пор серые собаки покинули эту местность, словно чуя, что здесь им не место.

— Ах ты... курица недожаренная! — воскликнул охотник, уворачиваясь от метнувшегося в его сторону языка мутанта. Липкий розовый язык, длиной в три метра, просвистел в считанных миллиметрах от его лица и с силой врезался в ствол берёзы, обхватив его студеной массой. Пока тварь втягивала язык обратно, Михаил кувырнулся, раздирая одежду о жёсткие ветки ивняка, развернулся и выстрелил в мутанта оба заряда дробы по очереди. Лягуха

накренилась, закатив глаза, так и не сумев втянуть язык обратно — тот растёкся по земле, как розовый слизняк.

Михаил поднялся с колен, переломил ствол МР-94, вынул использованные патроны и быстро зарядил два новых, резко защёлкнув ружьё. И всё это — на ходу. Годы охоты натренировали его тело, движения стали автоматическими. Но сейчас он спешил больше обычного, почти оступился, зацепившись за корень. На кону стояла жизнь дочери. Он сильно любил свою семью: всех трёх жён и семерых детей, включая немощного Алёшку. Старше Александры на два года, Алёшка был слаб и телом, и умом — по сути, юродивый, безобидный дурачок, ни пользы, ни вреда от которого не было, что тоже, по-своему, считалось благом.

Алекса снова закричала, теперь громче и дольше. В её голосе звучали нотки паники — силы, похоже, уже покидали её.

— Держись, дочь! — тихо бормотал охотник себе под нос, уверенно преодолевая одно препятствие за другим. Сквозь густые ветви ивняка он наконец увидел серо-зелёную тушу лягухи. И не одну! Первая тварь уже схватила девочку своим языком, но Саша изо всех сил держалась руками и ногами за тонкий ствол берёзы. Вторая тварь подпрыгнула ближе и вот-вот собиралась раскрыть пасть, чтобы тоже «склеить» жертву.

В этот момент Михаил выскочил из кустов.

— Эй, принцессы! Мать вашу! — рявкнул он.

Одна из тварей, резко подпрыгнув, развернулась и метнула в его сторону свой язык. Но Михаил был готов — он знал повадки этих существ. Уже перекатываясь по примятой лягушачьими лапами земле, он ушёл от удара. Прыжок, группировка, кувырок — и вот он в стойке на одном колене. Выстрел. Лягуха ещё жива и начинает втягивать язык. Второй выстрел — снизу вверх, в подбородок, чтобы повредить мозг.

Когда первая тварь замерла неподвижно, Прохоров тут же повернулся к той, что напала на Сашку.

— Отец! — закричала она с отчаянием в голосе.

— Сейчас! — гаркнул он в ответ, чувствуя, как руки дрожат. Ружьё уже было переломлено, но патроны никак не лезли в стволы, выскальзывали и падали на землю.

— Отец! — Александра едва держалась, её пальцы уже соскальзывали с дерева. Ещё миг — и мутант дёрнет её к себе, сомнёт своими мощными челюстями. Заряжать ружьё не было времени!

Михаил принял единственно верное решение. Отбросив ружьё, он выхватил армейский нож из ножен, привязанных к голени поверх ватных штанов, и бросился на лягуху. Одной рукой вонзил нож в основание языка, и мутант запищал на ультразвуковых частотах. Другой рукой он ухватился за верхнюю челюсть, потянул её вверх, а ногой, как распоркой, стал отталкивать нижнюю, пытаясь разорвать пасть твари.

Острые, как иглы, но короткие наросты на дёснах тут же прорвали перчатку и кожу ладоней, но Прохоров не обратил на это внимания. Он вынимал нож и снова вонзал его в розовый язык. Р-р-р-раз! Широкий взмах — чтобы лезвие вошло глубже. Р-р-р-раз! Чтобы рассечь шире. Р-р-р-раз! Больше крови! Больше ран! Р-р-р-раз! Проклятая ты, царевна, мать твою, лягушка! В ярости Михаил просто вырвал язык рукой, когда рана стала слишком широкой и язык держался уже лишь на тонкой мышце. Лягушка, корчась от боли, резко мотнула головой, и Михаила отбросило на несколько метров. Он ударился головой о пенёк и едва не потерял сознание, но мутант прыгнул на него. Сто килограммов чистой массы навалились на охотника, выбив из него воздух, но не дав отключиться. Ярко-алая кровь капала на лицо и одежду, стекала ручьями на холодную землю, которая из-за мокрого снега превратилась в грязь. Существо пыталось освободиться от отрезанного языка, захлёбывалось кровью, но не прекращало попыток сжать челюстями голову Михаила, раздавить её, разломить. Его руки скользили по склиз-

кой коже твари, не находя опоры. Он не мог ни сбросить её, ни ударить, ни выстрелить. Нож улетел куда-то при падении. Михаил уже дышал с трудом, хрипел, тяжело хватая ртом воздух.

Вдруг раздался оглушительный выстрел, затем ещё один. Лягушка застыла, но Михаил не мог скинуть её самостоятельно. Он почувствовал толчки: дочь пыталась помочь ему освободиться от мёртвой твари.

Наконец, долгожданный воздух. Такой необходимый, такой живительный! И вот дочка прижалась к груди, прислушивается... Но в этом нет нужды — Михаил дышал сам. Воздух со свистом врвался в грудь, будто лёгкие свело в спазме, и нагнетал в нутро жизнь.

— Папа! Папочка! — Александра сидела рядом и плакала.

— Всё нормально, Алекс, — прошептал Михаил, — всё нормально! Что я тебе говорил?

— Не распускать сопли.

— Никогда и ни при каких обстоятельствах!

— Да, папа, — дочка вытерла слёзы, размазав кровь по щекам. Лицо серьёзное, но на губах появилась облегчённая улыбка.

— Всё нормально, Сашка, всё нормально, — Михаил снова откинулся в грязь. — Сейчас немного полежу — и пойдём. Братьям и сёстрам ведь надо есть.

— Ты лежи, отец, лежи, — Алекса, больше испугавшаяся за него, чем за себя, переводила дух. — Потерпят эти дармоеды немного. Потерпят. Не умрут с голоду.

— Не говори так, дочь, — Михаил поднял окровавленную руку, которой мешал мутанту закрыть пасть, и положил её на руку дочери. — Они — твои братья и сёстры. Они — твоя семья.

— Знаю, отец. Но тебе нужен отдых. Ты — наш главный защитник и кормилец. Без тебя... — Она на мгновение замолчала, сдерживая рвущиеся наружу эмоции, и продолжила: — Без тебя, я не знаю, что бы мы делали.

— Жили бы, Саша... Жили бы.

Серые тучи медленно плыли на запад, где горизонт уже окрасился в алый. Где-то там заходило солнце — такое редкое в этом мире, словно оно пряталось от людей, так сильно изуродовавших Землю. Снег усиливался. Крупные снежинки падали с неба, напоминая Михаилу, лежащему на спине, звёзды, несущиеся ему навстречу. Как будто он — звёздный корабль, улетающий навсегда из этой разрушенной войнами Солнечной системы. Из этой неуютной Галактики, которая так и не стала домом для человечества... Вот бы на самом деле сбежать с этой убитой планеты! Взять с собой детей, жён, и где-то в миллионах световых лет отсюда основать новую колонию, построить новый мир, создать общество, где можно жить без страха, где безопасно...

Эх, мечты... Они канули в прошлое вместе с прежней жизнью, с фантастами, мечтавшими о светлом будущем, которое так и не наступило, и с надеждой, что Земля не станет жертвой ядерного удара.

Михаил когда-то страстно любил фантастику, но не думал, что пророческими окажутся книги о постапокалипсисе, а не те, что рассказывали о космосе. Он долго размышлял, почему судьба так жестоко подшутила над человечеством, воплотив в реальность самый страшный сценарий. Но, конечно, понимал: дело вовсе не в судьбе и не в разгневанном боге, решившем наказать людей, а в самих людях, которые доверили друг другу самое страшное оружие. Они сами стали палачами... и для себя, и для миллиардов невинных.

Прохоров нехотя поднялся. Пора было уходить — ночь вот-вот наступит, а тащиться в темноте по заснеженному полю — сомнительное удовольствие. Земля ещё не промёрзла, и снег, падая, превращал её в грязное месиво. Нет ничего утомительнее, чем тащить добычу по такой жиже. Нужно было поторопиться.

— Заряжай ружьё, дочка! И не забывай смотреть по сторонам, а я пока займусь мясом. Нам этих четырёх лап на месяц хватит, а там что-нибудь ещё придумаем. Ну что, царевна-

лягушка! Подавай свою лапищу! Примерим хрустальную туфельку? Или сапог? Или это другая сказка? — он с сомнением посмотрел на жирную, склизкую ногу мутанта, а затем уверенно шагнул к телу.

Глава 2. Твари

Опять пошёл снег! Погода в начале октября совершенно не радовала. Лучше бы уже выпал и остался лежать. Но нет, теперь он будет валить и таять ещё пару недель, пока температура наконец не позволит ему полностью укрыть землю на долгую зиму. Ветер и влажность просто сводили с ума: пробирались под тёплую зимнюю куртку, вымораживая не хуже мороза. Слякоть мешала идти — дорога превратилась в грязное месиво. Иногда приходилось с усилием вытаскивать обмотанные пакетами армейские берцы из этой жижи. Но ничего, скоро можно будет согреться.

Софья Макаренко зябко потёрла руки в варежках. Затем протёрла запотевшие горнолыжные очки, поправила респиратор и медленно пошла дальше. Впереди показался металлический каркас моста через Волгу. Ещё немного — и она окажется в промышленной зоне Ярославля. Теперь нужно быть незаметной. Настолько, насколько это вообще возможно. Ничего опаснее банды, окопавшейся здесь, Софья, или Сова, как называла её мама, не знала. Но кроме людей в городе могли быть и звери. Их всегда привлекает человеческое присутствие, особенно большое скопление людей. Поэтому надо быть начеку. Любая трещина, подвал, выбитое окно могли таить опасность. А ей нужно добраться до местной общины и расшевелить этот рассадник зла и агрессии. Танцы со зверями в её планы не входили.

Софья внимательно осмотрела здания на том берегу — каждое окно, подъезд, проулок. Вроде никого. Она быстро, пригибаясь, перебежала от одного изъеденного ржавчиной автомобильного остова к другому, старалась держаться стальных ферм моста, пряталась за металлоконструкциями. Гибко изгибалась, словно кошка, сливаясь с балками. Иногда проползала несколько метров, позволяя грязи налипнуть на водонепроницаемые штаны и куртку. Ничего страшного — в городской серости она станет ещё менее заметной. Потом придётся сменить накидку: она, как зверь, сменит «шкуру», спрячется в рюкзаке камуфляж цвета хаки, а новый, белый, скроет её от любых глаз.

Чёрная снайперская винтовка висела за спиной: сейчас она была не нужна. Достаточно «Кедра-Б» и ПМ с глушителем, висящих на бёдрах с обеих сторон, и армейского ножа, который отец подарил ей на десятилетие пятнадцать лет назад. Отец, когда-то служивший в группе по борьбе с терроризмом, специалист по тайным операциям, воспитал её один и передал ей все свои знания и умения в этой области. Или почти все. Софья выросла боевой девицей, с которой не каждый соперник справится. Тяжёлые, упорные тренировки закалили её, сделали быстрой, ловкой, стремительной. Отец был горд ею, пока не...

Софья несколько раз стукнула себя по капюшону утеплённой куртки, скрытой камуфляжем.

— Хватит! Забудь, пока не отомстишь! А то разревёшься сейчас на всю Ивановскую... ой, Ярославскую! — прошептала она себе. — Сначала месть, а уж потом поминки!

Мост выводил на правый берег Волги. Дальше дорога шла мимо однотипных административных и заводских зданий, а также давным-давно разворованной заправки. Пустырь позади неё зарос странным кустарником с изогнутыми ветками. Брошенные машины тоже разграбили: сняли всё, что только можно было — от кресел до обивки. Но идти по улице Софья не собиралась. Город, хоть и выглядел покинутым, таковым не был. Она точно знала, кто здесь обосновался. Не зря её умирающий отец дождался её, чтобы на последнем выдохе сообщить, кто они такие и откуда пришли. Опытного офицера застали врасплох, но он всё же выведал у своих мучителей ценную информацию. Исподтишка, незаметно.

Сова легко перемахнула через трёхметровый забор и внимательно осмотрела ряд производственных зданий. Вокруг было тихо, но это не означало, что место пустовало. Девушка снова протёрла очки. Длинные корпуса тянулись вдаль. Внутрь заходить не имело смысла —

мимо пройти быстрее и незаметнее. Забор тянулся вдоль зданий, и за ним можно было спрятаться. С верхних этажей домов на другой стороне дороги её не заметят. А что дозорные есть, Сова не сомневалась. Такая мощная группировка наверняка выставляет сторожей, если только предводитель — не полный идиот. Но идиоты в вожаках долго не держатся.

Пригибаясь, Софья быстро засемила вдоль забора. Точное местоположение бандитов ей было неизвестно, но, если потребуется, она готова была прочесать весь город вдоль и поперёк, только бы не отказываться от мести. Эти твари разрушили её жизнь, разорвали их с отцом тихую идиллию в лесах под Вологдой. Её отец готовил её не зря, и, видимо, знал или догадывался о том, что грядёт. Теперь подготовка не казалась бессмысленной, как раньше, когда Софья с горечью осознавала, что мир разрушен и на многие километры вокруг не осталось выживших. Но эти... появились неожиданно, как снег на голову, и утопили в крови их с отцом укромный уголок. Жаль, Сова в тот момент была на охоте. Иначе бандиты так легко не отделались бы. Прежде чем умереть, отец забрал жизни троих. А будь Софья рядом? Банда бы вряд ли выжила.

Забор резко уходил влево, что означало — территория завода закончилась. Девушка подпрыгнула, подтянулась и осмотрела здания за забором. Цепкий взгляд отметил пустые окна, подъезды, разбитые витрины и перевернутые остовы автомобилей. Следов людей не было, но вдали маячили несколько девятиэтажек. Руки устали от нагрузки, и она спрыгнула обратно.

Отлично! С девятиэтажки можно будет осмотреть окрестности и найти банду. Значит, туда!

Софья дала себе пару секунд отдышаться, затем снова перемахнула через забор и оказалась на улице. Жуткие чёрные квадратные окна домов недобро уставились на неё. Было неуютно — казалось, что в каждом окне прячется бандит и следит за ней. Софья понимала, что это всего лишь страх, но избавиться от него не могла.

Разбитые витрины магазинов говорили о том, что здесь недавно жили люди. Макаренко заглянула в окна одного из них — пусто. Всё, что можно было унести, уже забрали, даже полки и огромные холодильники. Для чего?

Пожав плечами, она пошла дальше. Спустя полчаса блужданий по окрестностям, Софья остановилась. До заветной девятиэтажки оставалось совсем немного — всего лишь пересечь перекрёсток, заваленный грудой машин. Кто-то сложил их в виде баррикады, возможно, когда-то здесь шли ожесточённые бои. Девушка внимательно осмотрела стену дома за машинами — она была вся испещрена пулевыми отверстиями. Как, впрочем, и кузова машин.

Что бы здесь ни происходило, это осталось в прошлом. Прямо среди груды металла выросло дерево — тонкое, молодое, оно пробивалось сквозь окна автомобилей, пока не одержало верх над рукотворной помехой и не нашло путь к свету. На глаз Сова определила, что берёзке лет десять. Значит, война, что бушевала здесь, давно завершилась. Не в пользу ли тех ублюдков, что убили её отца? Вероятно, так и было.

Отец давно развеял её иллюзии насчёт того, что войны ведутся за правое дело. Обычно всё сводится к жадности. Люди всегда боролись и будут бороться за ценности — будь то земля, вода, рабочая сила, ресурсы или даже оружие. Чтобы обладать оружием, они снова и снова берут его в руки и стреляют друг в друга. Софья хмыкнула. Абсурд? Возможно. Но именно так устроен мир.

И те бандиты, что пришли к ним, тоже за чем-то охотились. Им, как и всем жадным людям, что-то было нужно. Отец приоткрыл завесу тайны: у них была фура, полная детей. Они ездили по окрестностям и собирали малышей. Зачем? Сова долго об этом думала и поняла одно: дети — это ресурс. Человеческий ресурс. А как его использовать — зависит от того, кто им владеет. Она видела лишь два варианта: рабы или солдаты. Детей легко обучить, запугать, внушить нужные идеи. Из них можно сделать идеальных работников или воинов.

— Уроды! — прошипела Сова, чувствуя, как внутри растёт гнев. Маленькие, беззащитные дети! Как можно так манипулировать ими? — Убью всех!

Рядом с памятником что-то зашевелилось. Софья замерла. Медленно подняла «Кедр». Но зверь её не заметил — снег был слишком густым. Хорёк выбрался из-под обломков машин, встал на задние лапы и присел у баррикады, оглядывая окрестности. На первый взгляд, его можно было принять за маленького медведя из-за коричневой шерсти, но мощные длинные лапы с когтями-саблями сразу выдавали в нём опасного хищника, готового напасть даже на зверя, вдвое превосходящего его по размеру. Мутировавшее существо — «Муть», как называла их Сова, — задержало взгляд на фигуре Софьи. Видимо, зверю она показалась неживой. Это было ей на руку.

Время тянулось, словно остановилось. Софья стояла неподвижно, а хорёк продолжал сидеть, неотрывно осматривая местность. Казалось, это никогда не закончится. Сова мысленно ругалась. Будь она дома, давно бы убила тварь. Но здесь, где могли появиться бандиты, каждый выстрел был рискован, даже из бесшумного «Кедра-Б», доставшегося от отца.

Минуты растягивались в вечность. Софья ждала, когда зверь уйдёт или скроется в поисках добычи, но хорёк оставался на месте, словно тоже кого-то ждал. Это было похоже на странную игру. Софья выжидала хорька, хорёк — свою добычу, и никто не знал, что будет дальше. Но играть по другим правилам было нельзя. Она не могла уйти под прикрытие — звери обладали слишком острым слухом, любой звук привёл бы к атаке. И стрелять тоже пока не стоило — вдруг поблизости притаились враги? Хотя, если хорёк ничего не слышал, вероятно, и бандитов рядом не было, если только они не сидели в укрытии, так же, как и она. Эта мысль немного успокоила её: неподвижно стоять под холодным ветром ей уже порядком надоело. Холод постепенно пробирался под одежду, и Софья начала дрожать. Она могла бы выдать себя стуком зубов. Мокрый снег облепил горнолыжные очки, и видимость становилась всё хуже. Дальше так продолжаться не могло — ослепнуть означало верную смерть.

Сова осторожно подняла «Кедр-Б», следя за тем, чтобы Муть смотрела в другую сторону. Когда зверь поворачивался, она замирала. Прошло несколько напряжённых минут, пока справа, со стороны дороги, не раздался хруст снега. Софья напряглась, пытаясь уловить, что это за звук, но узкий угол обзора её очков мешал. Она видела только ободок, покрытый налипшим снегом. Хруст не стихал, и она была вынуждена повернуть голову.

От неожиданности она рефлекторно вскинула руку с «Кедром» и открыла огонь. Пока один «суслик» тянул время, второй незаметно подкрадывался к добыче. И ему бы это удалось, если бы не глубокий снег, который и выдал мутанта.

Рефлексы сработали вовремя. Софья отпрянула назад и упала, одновременно прицеливаясь в морду хорька. Тот уже без колебаний прыгнул на неё, пытаясь достать когтями-кинжалами. Они рассекли воздух в опасной близости от её лица. Падая, Софья перекаtilась влево, и в тот же момент на её место рухнуло тело зверя с простреленной головой. Но она не могла остановиться: второй хорёк уже нёсся к ней, готовый разорвать её на части. Софья вновь перекаtilась, на этот раз обратно к трупу, и, выглянув из-за него, начала стрелять. Раздались глухие хлопки бесшумного «Кедра». Хорёк споткнулся, но снова поднялся и продолжил наступление, прихрамывая на левую лапу и оставляя за собой алые следы на снегу.

Первый залп не остановил его! А магазин был пуст, времени на перезарядку не было. Софья потянулась к ПМ, но пистолет оказался зажат под её бедром, время словно ускорилось, а мутант был уже в нескольких метрах. Он подтягивался, цепляясь когтями за землю, и неуклонно приближался. Софья вытащила нож — армейский клинок блеснул в воздухе. В последний рывок хорёк оттолкнулся, когти готовы были поразить цель. Софья подтянула к себе тело мёртвого зверя, и живой мутант вонзил когти в его плоть, замедлившись на мгновение. Этой секундной паузы ей хватило: она оттолкнула труп и вонзила нож в голову живой твари.

Встав на ноги, Софья осмотрелась, выискивая новые угрозы. Других мутантов поблизости не было. Винтовку со спины она не сняла, но на всякий случай вытащила ПМ. Улица была пуста. Снег скрывал осеннюю грязь и её следы, что было на руку. Но трупы хорей бросались в глаза, свидетельствуя о её присутствии на чужой территории. Нужно было срочно что-то с ними делать — любой бы понял, что зверей убил человек, и тревога была бы неизбежна. А этого ей допустить было нельзя. Враги начнут нервничать, стрелять по каждому шороху или отправят поисковую группу, справиться с которой в одиночку будет невозможно. Они просто загонят её в ловушку: это была их территория, и они знали здесь каждый тайный ход и схроны.

Сова быстро затащила туши животных в заброшенный магазин, а затем пересекла улицу, направляясь к заветной девятиэтажке. Нужно быть осторожнее. Одного-двух мутантов она ещё могла одолеть, но со стаей таких тварей ей не справиться.

На табличке было написано: «ул. Чехова, д. 43». Поднимаясь по лестнице, Софья заметила, что все квартиры пусты и обчищены. Это значило, что выжившие где-то неподалёку. Надо быть максимально тихой и незаметной. Как бы опытна она ни была, люди, которые грабят и убивают других, ничуть не менее опасны, чем мутанты. И в том, что здесь орудует банда, сомнений не было. Одна группировка всегда вытесняет другую — именно так когда-то было в Вологде. Там сильная община несколько лет подминала под себя более слабые, но в итоге истощилась, и агрессивная фауна закончила начатое. В живых остались лишь небольшие банды мародёров, которые дрались из-за каждой мелочи.

Её отец предвидел это. Задолго до того, как остатки цивилизации начали оскотиниваться, он увёл дочь в леса. Научил её сражаться, владеть оружием, охотиться и защищаться. Добывать оружие оказалось несложно: они вместе совершали набеги на заброшенные поселения. Отец внушил Софье, что брать вещи у мёртвых — не грех. Да, это вандализм, но что с того? Мёртвым их вещи уже не нужны, а живым они могут спасти жизнь в трудный момент.

Софья привыкла к мёртвым настолько, что скелеты перестали пугать её. Для неё это были всего лишь свидетельства человеческой глупости и беспечности. Те, кто считал себя умнее других, теперь гнили, устремив пустые глазницы в небо, а их белеющие кости напоминали всем, что жизнь — это не беззаботная прогулка по унаследованному миру, где можно творить любые мерзости и зверства.

Её взгляд остановился на скелете в истлевшей одежде, прислонившемся к перилам лестницы. Челюсть давно отпала и затерялась среди лохмотьев. В черепе виднелось пулевое отверстие — подтверждение её мыслей. Люди в борьбе за ресурсы готовы уничтожать друг друга, не осознавая, что гораздо важнее делиться и жить в единстве. Эгоизм брал верх, и расплата неизбежно настигала тех, кто не умел отличить по-настоящему важное от сиюминутного.

Макаренко обшарила карманы мертвеца и легонько пнула скелет. Тот не возражал: с тихим скрипом костей завалился набок. Софья продолжила подниматься по лестнице.

На крыше её встретил порыв холодного ветра, а крупные снежинки ударились о стёкла очков и тут же растаяли на их тёплой поверхности. Крыша девятиэтажки была плоской, с битумным покрытием, частично занесённым снегом. Лишь лифтовые и вентиляционные шахты торчали вверх квадратными коробками.

Софья сняла со спины снайперскую винтовку и, присев на корточки, осторожно подкралась к краю крыши, огороженному низким бортиком. Осторожно выглянув, она оглядела местность через прицел, двигаясь вдоль периметра здания. Несколько раз повторила свои манёвры, пока не хмыкнула с довольной усмешкой в респиратор:

— Ну вот, твари, я и нашла вас.

Сердце учащённо забилося в груди. Враг был совсем близко, и для его уничтожения понадобится немало времени. Но Софья умела вести подрывную деятельность. Сейчас главное — всё тщательно разведать.

Глава 3. Слишком длинная ночь

Как умирает мир? В огненных вспышках, распустившихся на местах ядерных взрывов? Или под дождём, смешанным с пеплом радиоактивных туч, уничтожающим всё живое? Или растворяется под действием новой чумы, созданной специально для уничтожения всей органики? Всепожирающие бактерии поглощают всё, до чего дотягиваются, стекая гноем из тел людей и растений. Так как же умирает мир?

Для шестнадцатилетнего Кольки и ещё десяти детей, прячущихся в катакомбах Юрьева, конец света был величественным и ужасным. Безумие и смерть захлестнули их в ту бесконечно долгую ночь, когда взрослые покинули укрытие, за исключением двух бабушек — Веры Афанасьевны и Зои Павловны. Теперь они вместе с детьми прислушивались к звукам гибели города, который был для них последней надеждой.

Все взрослые вышли на бой, когда бронзовые ворота пали, и чудовища из окрестностей Юрьева хлынули за стены Михайло-Архангельского монастыря, стремясь уничтожить каждого. Стаи серых падальщиков вместе с городскими кошками разрывали людей на куски. Неизвестные крылатые твари, быстрые и прожорливые, налетали на человека стаей, оставляя от него лишь пустоту.

Реки крови орошали промёрзшую землю и обшарпанные стены монастыря, среди которых были разбросаны человеческие останки. Защитники проигрывали последний бой, выстрелы раздавались всё реже. Каждая убитая тварь тут же утаскивалась своими сородичами, чтобы быть съеденной и исчезнуть в мире, который теперь сам по себе растворялся, словно заразился смертельной болезнью.

Коля Ростов был в ужасе. В свои шестнадцать он уже готовился вступить в отряд стрельцов и проходил боевую подготовку, но никогда не видел ничего подобного. Звери обезумели, нападали с яростью, как будто мстили за своих убитых сородичей или же потому, что Потёмкин, Ярос и Митяй не смогли найти общий язык и, разругавшись, поставили под угрозу всех. Какое они имели на это право?

Коля в бессилии сжимал кулаки, стараясь скрыть дрожь. Он был единственным, кто хотя бы немного мог претендовать на роль мужчины среди детей, и проявить слабость значило признать себя трусом. Но и остальным было не легче.

Десятилетний Ванька жался к старшей сестре Варьке. Она обняла его крепко, сама вжимаясь лицом в худую спину брата. Её трясло от страха, хотя она пыталась держаться. Колька подозревал, что конфликт между сыном Воеводы и мутантом Яром начался из-за неё, но не осуждал её за то, что в итоге выбрала настоящего человека, пусть и не самого лучшего.

— Тихо, Вань, тихо, — шептала Варя, ласково глядя брата по спине, стараясь его успокоить, проявляя к нему всю свою любовь.

Тринадцатилетние двойняшки Олег и Ольга Карасевы тоже сидели вместе, прижав к себе двух семилетних девочек — Аню Капустину и Вику Озимову, а между ними примостился трёхлетний Сема Шестаков. Малыш, возможно, не до конца понимал, что происходит, но чувствовал страх окружающих. Жуткий вой снаружи заставлял его теснее прижиматься к другим детям, как будто они могли спасти его от надвигающегося ужаса, который, казалось, проникал в катакомбы как туман, стелящийся по полу и пробирающийся липкими руками в сердца.

Десятилетний Витя Соломин, двенадцатилетний Руслан Озимов и десятилетняя Катя Шестакова сбились в отдельную кучку и шептались о чём-то, явно замысливая что-то. Эти ребята не боялись, их как будто ничто не пугало. Даже когда чёрная тварь выла под стенами Юрьева, они пытались пробраться в обзорную башню, за что не раз получали нагоняй от стрельцов.

Вера Афанасьевна и Зоя Павловна, держа калашы своими дрожащими старыми руками, стояли на страже по ту сторону решётки, охраняя детей. Колька задумался: смогут ли они защитить их, если настанет момент? Но старушки держались уверенно, даже подбадривали друг друга, словно в них проснулась новая сила.

— Слышь, Афанасьевна? — Зоя Павловна шутливо толкала свою подругу локтем, отчего та ойкала и отступала. — Первый тварь мой! Ясно? А то костей не соберёшь!

— Скоро нас самих не соберёшь, старая, — отозвалась Вера Афанасьевна, криво усмехнувшись. — Закусят нами на славу!

— Ой, да не парься! Подавятся! Ещё ни одна тварь мимо Павловны не прошла! — невзирая на весь ужас ситуации, бабки не теряли ни сарказма, ни бодрости духа. Казалось, их не волновал грохот битвы наверху. Коля, слушая их разговор, не мог понять: как можно быть такими беспечными в момент, когда мир рушится? Словно и старушки, и дети — как Витька с Русланом и Катькой — думали, что это всего лишь игра. Правду говорят: с возрастом люди возвращаются в детство. Пусть не телом, но разумом уж точно.

— Поймаю на мушку и весь магазин в лоб ему высажу! — лихо подытожила Павловна, продолжая демонстрировать несгибаемый дух.

— Да иди ты, Павловна... — с усмешкой ответила Вера. — Смотри, себе в лоб не влей! Амазонка нашлась, боевая фурия!

— Ну, а что? — Павловна снова легонько пихнула подругу локтем и потрясла своим старым АКСУ, пытаясь держать его одной рукой. Правда, попытка была неудачной. — Все мужики после боя наши будут, ага?!

— Ой!.. — Вера прыснула от смеха, схватившись за сердце, будто от изнеможения. — Терминаторша! Бабка-тысяча! Вся из жидкого металла...

Коля не понял последней реплики — казалось, что она из какого-то давно забытого мира, другого времени, которого он никогда не знал. Возможно, это было к лучшему. Иначе бы, как эти две чокнутые старушки, стоял бы сейчас и хихикал, не осознавая реальной опасности. Ведь рядом дети.

Парень перевёл взгляд на троицу, что шепталась в стороне. Что они опять замышляют? Очередную шалость или что-то посерьёзнее? Почему нельзя относиться к ситуации по-взрослому? Но вскоре оказалось, что дети воспринимают происходящее куда серьёзнее, чем он думал.

Шёпот переговоров стих, и Руслан, поддерживаемый Витькой и Катькой, направился к решётке. Все трое выглядели такими решительными и важными, что Коля едва не фыркнул, но сдержался. Над детскими решениями лучше не смеяться — можно потерять их доверие.

— Баба Вера, — стараясь придать голосу взрослую серьёзность, начал Руслан. — Мы тоже хотим!

— Чего это вы хотите? — Вера Афанасьевна резко развернулась к детям за решёткой. Но тут вмешалась Зоя Павловна:

— А чего это сразу баба Вера? Может, я тоже тут главная? — уперев руки в бока, она строго уставилась на ребят.

Руслан вздохнул, а Катька и Витька закатили глаза, как бы намекая, что с этими взрослыми сложно общаться.

— Ладно, — Руслан, явно признанный лидером троицы, взял на себя роль переговорщика. — Баба Зоя и баба Вера, мы тоже хотим!

— И чего это вы захотели? — баба Вера с прищуром упёрла руки в бока, недобро сверкая глазами.

— Мы хотим драться! — заявил Руслан с серьёзностью взрослого. — Мы хотим помочь наверху! Откройте клетку!

— Да, — синхронно кивнули Витька и Катька.

Зоя Павловна повернулась к подруге:

— Слышь, Афанасьевна, наверх хотят! Всех спасут своей помощью! — затем посмотрела на детей, прижавшихся лицами к холодным прутьям. — Руслан, а ты чего можешь-то?

— Я... — мальчик замешкался. — Я стрелять могу! И раненым помогать буду!

— Стрелять-то умеешь? — Зоя прищурилась, закусив губу. — А раненым чем можешь?

— Что скажут, то и сделаю! — упрямо заявил Руслан. — Мы просто хотим помочь! Чем угодно, только не сидеть тут, как... — он на миг замолчал, опасливо глянув на Колю, прежде чем добавить: — Как труссы!

— Афанасьевна, объясни парню, что к чему! — Зоя кивнула на подругу. — Ты ж у нас когда-то учительницей была.

Вера Афанасьевна тяжело вздохнула и повернулась к детям. Стараясь не травмировать их неокрепшую психику, она медленно подбирала слова, обращаясь к Руслану — если он поймёт, остальные тоже последуют его примеру.

— Руслан, — мягко начала она, — вы не можете ничего сделать, только помешаете. Да, не перебивай. Там, — она кивнула в сторону выхода из подземелья, — некому будет объяснять вам, что делать. Все заняты сражением, едва успевают отражать нападения. Если им придётся отвлекаться на вас, они точно проиграют.

— Ничего они не проиграют! — упрямо возразил Руслан.

— Не перебивай! — строго повторила Вера Афанасьевна, подходя ближе к решётке. — Если хочешь быть взрослым, прими тот факт, что ваши родители спрятали вас здесь, чтобы защитить. Если мы погибнем, клетка вас спасёт. Помогите взрослым — сидите тихо, пока всё не закончится!

— Но, если вы погибнете, нас некому будет спасать! Мы так и останемся здесь, в этой клетке! И сдохнем! А звери будут ждать за решёткой, не выпустят нас! Откройте! Мы не хотим дышать здесь! — Руслан уже кричал, с силой ударяя по прутьям клетки, а Вера Афанасьевна лишь закрыла глаза, казалось, ещё больше постарев. Она тихо прошептала, но её услышал каждый:

— У нас нет ключей.

— Как?! — мальчик ошеломлён, а остальные дети с удивлением уставились на бабушку. — Но... как? Тогда... что?..

— Как мы выберемся? — обеспокоенно переспросил за него Витька.

— Придёт время — узнаете, — пожала плечами Вера Афанасьевна.

— Это ерунда какая-то, — снова затряс дверь Руслан. — А если все погибнут? Как мы выйдем? Как?

— Успокойся, Руслан, — твёрдо сказал Коля, не поднимаясь с места. — Придёт время, ты всё поймёшь. А пока сиди тихо и не мешай людям спасать твою жизнь.

— А ты почему не работаешь? — зло бросил Руслан, отвернувшись от решётки и глядя прямо на Колю. — Тебе ведь шестнадцать. Не стыдно здесь сидеть?

— Я делаю то, что мне велено, — просто ответил Ростов, пожав плечами.

— Трус! Как Ярослав! Тот хотя бы сбежал, а ты... ты просто прячешься! — резко выкрикнул Руслан и с гордым видом направился в самый тёмный угол. Витька и Катка последовали за ним, явно поддерживая товарища.

Ванька, прижавшийся к сестре, дёрнулся, будто его укололи, и Коля сразу понял почему. Яр когда-то был их приёмным братом, и они его предали. У Кольки перед глазами до сих пор стояла сцена суда, когда Ярослава обвинили в смерти Митяя и приговорили к казни. Никто не заступился: ни отчим, ни Ванька — десятилетнему ребёнку не по силам было возразить взрослым, — ни Варя. Все просто испугались за себя. А потом всё покатило под откос — Ярослав сбежал, а на город обрушились звери, собравшиеся со всех окрестностей.

Коля лишь криво усмехнулся в ответ на слова Руслана. Он и ожидал подобной реакции от детей, особенно после того, как старший обсудил с ним «специальное задание», которое теперь лежало на его плечах. Мысль о том, что он может досрочно стать стрелецким бойцом, заставляла его молчать и следовать принятому плану, как бы ни хотелось высказаться.

Варя Выдренкова подняла голову от плеча брата и бросила на Колю понимающий взгляд. Она тоже знала, что находится здесь не по праву. Но отец, после того как поругался со всеми, настоял, чтобы она осталась среди детей, несмотря на свой возраст. Остальные восемнадцатилетние сейчас сражались наверху, защищая город. Варя снова уткнулась лицом в спину брата, стараясь скрыться от реальности.

Сверху продолжала раздаваться какофония звуков — вой, рык, крики боли, автоматные очереди. Мир, в котором дети выросли, рушился под грохот оружия и рёв мутантов. Для детей время тянулось бесконечно. Им казалось, что каждый удар, каждый выстрел длились целую вечность, но всё равно лучше долго, чем мгновенно и безнадёжно. Каждая секунда агонии продлевала их жизнь. Ещё один вздох — и он не последний. Ещё один... Сердца трепетали в унисон: страх смешивался с бурей эмоций. Битва наверху постепенно стихала — слишком много уже погибло с обеих сторон.

Глава 4. Обратного пути нет

Пока Александра с ружьём караулила, Михаил срезал несколько толстых ивовых прутьев, связал их вместе, и получились носилки. На них можно было волоком тащить добычу несколько километров до родного села Осановец. Михаил отрезал задние ноги у двух туш и погрузил их на импровизированные сани. Схватив носилки за шесты, он потащил их по земле, а Саша шла сзади, внимательно оглядываясь по сторонам. В мире, где она родилась, нельзя было быть уверенной ни в чём — опасность могла подстергать в любом месте, даже под землёй, скрываться за деревьями или принимать самые неожиданные формы. Так учил её отец, и она усвоила это как правило жизни: быть всегда настороже, опасаться всего неизвестного и относиться с подозрением к новому.

Осенью, когда в село пришёл неизвестный мужчина на нетвёрдых ногах, она чуть было не размозжила ему голову. Но отец оказался рядом и не дал ей выстрелить. Позже Александра с удивлением и скрытым интересом наблюдала за этим новым в её жизни человеком. Игорь Потёмкин, как выяснилось, был не опасен, а при ближайшем рассмотрении — и вовсе добрым человеком. Болезнь терзала его яростно, и он, вероятно, умер бы, если бы отец не решил раскрыть секрет ивановских шершней и их целительного яда. Незнакомец быстро выздоровел и вскоре покинул их навсегда. Перед уходом он рассказал о своей семье, погибшей в Нижнем Новгороде пять лет назад. Он говорил с болью о том, как любил жену и сыновей, и как тяжело было их потерять. Эта история так запала в душу Александре, что она поклялась себе — никогда не позволит потерять кого-либо из своих родных и всегда защитит их от любой опасности. И вот сейчас её отец чуть не погиб. От страха сердце девочки билось так сильно, что ей казалось, оно вот-вот остановится. Даже теперь, когда опасность миновала, её тело нервно содрогалось.

Михаил то и дело поскальзывался на влажной, сгнившей траве, иссушенной осенью. Снег хлестал в лицо, ухудшая видимость. Но он знал эти места, как свои пять пальцев: покатые поля, редкие кустарники, ложбины с многочисленными речушками. Здесь он родился, здесь вырос, и, возможно, здесь же его и похоронят.

Когда-то, двадцать лет назад, тёплым летним днём глупость людей пересилила разум. Танки двинулись в странствие, самолёты взмыли в небо, корабли отправились в дальние походы. Ярость захлестнула мир, и тысячи жизней были принесены в жертву. Но и этого оказалось мало: мир, построенный на нефтяной бочке, воспламенился. Как газовый пузырь, копившийся миллионы лет под землёй, он взорвался. Полетели ракеты. Яркие огненные цветы расцвели по всей планете, сжигая её и всё живое. Умирали люди, животные, плавился даже камень, и огромные территории превращались в радиационные пустоши.

Но в этой глуши ничего не упало, не взорвалось и не раскрошило дороги траками. Михаил тогда только что демобилизовался. Село, тишина, благодать. Молодёжь уже давно разъехалась по большим городам в поисках лучшей жизни. Мужчины постарше, один за другим, спились, женщины мечтали о ласке, сидя на лавочках и щёлкая семечки, иногда запивая их пивом. Такова была жизнь в российской глубинке. Михаил, молодой и полон сил, оказался нарасхват. Он с утра до ночи успокаивал бушующие гормоны подруг, которые даже не знали друг о друге. Жизнь ефрейтора Прохорова шла бы тихо и спокойно, если бы не случился Апокалипсис.

Телевидение перестало работать, радио и интернет исчезли в одночасье. Боевые самолёты, что кружили над деревней, не вызвали беспокойства — рядом находился ивановский лётный полк, и люди привыкли к летающим над головой боевым машинам.

Лишь спустя сутки после Апокалипсиса до людей начало доходить — что-то не так. Из уст в уста передавались обрывки информации: кто-то успел позвонить и сообщить о начале

Третьей Мировой... Осознание происходящего заняло ещё полдня, а потом началась паника. Все засобирались, суется в поисках убежища, безопасного и тихого места. Все уехали — кто в города, кто к родным, — кроме бабушек и Михаила. Он понимал, что самые опасные места сейчас — это крупные города и военные объекты, по которым точно будут наноситься основные удары.

К удивлению Михаила, когда он вышел на крыльцо покурить, там уже стояли три его возлюбленные, недоверчиво косясь друг на друга. После бурной сцены ревности и драк девушки, не спрашивая согласия растерянного Михаила, решили жить дружно и счастливо... с ним. В наказание за обман. Такая у них необычная месть. Но, как оказалось, они были умнее многих: ядерная война стёрла с лица земли целые страны. Те, кто покинул деревню в поисках спасения, исчезли навсегда. Остались только бабушки да Михаил с тремя женщинами, единственный, кто мог их не только удовлетворить и дать потомство, но и, как охотник, прокормить и защитить.

Сначала Михаилу нравилось разнообразие. Это было необычно и увлекательно — делить ложе сразу с тремя женщинами. Но вскоре арабская сказка о султанине с гаремом превратилась в бесконечную психологическую драму, не уступающую по накалу страстей и нелепости западным сериалам. Ему всё чаще хотелось сбежать, но куда? Села и деревни пустели, люди ушли в города и бомбоубежища, где их и настигла смерть. Искать свою Михаил не собирался, поэтому раз или два в год он просто исчезал из дома и бродил по пустым деревенькам, чтобы отдохнуть от своих жён. Всё, что находил ценного, складывал на тележку и вёз домой — в хозяйстве пригодится. Оказалось, что такие путешествия полезны: мрачные мысли, которые охватывали его в заброшенных поселениях, помогали по-настоящему ценить свою жизнь. Возвращаясь домой, Михаил был полон сил и вновь окружал жён заботой и любовью.

Со временем все члены семьи научились жить в мире друг с другом. Жены привыкли к ситуации, ревность исчезла, и наконец в доме воцарился мир. Михаил был этому несказанно рад, даже стал реже покидать родной дом в поисках покоя и тишины.

Затем возникла другая проблема: почти все первенцы, кроме одного, родились мёртвыми. Возможно, причиной стали проливные дожди, принёсшие радиацию на ивановскую землю. Жены были убиты горем, но радовались единственному выжившему младенцу — Алёшке. Однако он оказался уродливым и умственно отсталым, с нарушениями речи и неспособностью к обучению. Это стало ясно лишь через год, и тогда уже было поздно избавить его от столь печальной участи — жёны яростно защищали единственного сына и не позволили Михаилу принять тяжёлое, но, по его мнению, правильное решение. Так юродивый Алёшка остался в семье. После него было ещё несколько мертворождённых детей. И вдруг, словно чудо, появилась Александра. Вслед за ней родились ещё пятеро: тринадцатилетние близнецы Андрей и Вадим, десятилетний Пашка и две дочери — семилетняя Аня и шестилетняя Вика. Жизнь вернулась в своё русло: каждый знал свою работу, понимал своё место и важность для семьи. Кроме Алёшки...

Он, как и в детстве, сидел у печки, пуская слюни и разглядывая картинки из детских книжек, собранных Михаилом по округе. Эти книги давно уже никто не читал, кроме Алёшки. Он не умел работать, не помогал по хозяйству, не ходил с отцом на охоту. Бесцельно шатался по избе, понимая только слова «туалет», «есть» и «спать». Говорить он так и не научился, лишь мычал, пытаясь что-то донести до родителей. От семнадцатилетнего паренька не было ни пользы, ни вреда, но семья привыкла к нему — он был родным.

Ветер усиливался, завывая между высокими тополями, которые когда-то давно сажали вдоль дорог, чтобы защитить поля и посевы от ветра. Теперь же не было чего защищать — поля пустовали уже два десятка лет, покрываясь порослью молодых тополей и берёз. Пустошь постепенно превращалась в дремучий лес, что вызывало тревогу: вскоре могли вернуться звери, ушедшие в более лесистые места, и нужно было заранее думать о защите, не дожидаясь новой угрозы.

Прошло два часа — два изнурительных часа, пока Михаил тащил носилки из ивняка. Ноги подкашивались, всё чаще соскальзывая с кочек, носилки уводило в сторону. Михаила качало от усталости, но дом уже был близко. Вот он, забор с острыми кольями, и открытая дверь. В сенях горела лучина, освещающая путь. Оставалось подняться на пригорок, перейти дорогу — и ты дома.

Но стоп! Почему открыта дверь?

Михаил замер и медленно опустил носилки на землю. Тревога закралась в сердце сорокалетнего мужчины. Что-то было не так. Он всегда настаивал, чтобы дверь оставалась закрытой. Любое забредшее животное могло перескочить через забор и ворваться в избу. Что тогда будут делать женщины и дети? Поэтому он всегда, при любой возможности, повторял одно и то же: дверь должна быть закрыта. Почему же сейчас она распахнута? Нельзя быть столь беспечными в такие опасные времена! Ну что за бабы!

— Дочь, — тихо позвал Михаил.

— Да, Отец, — Алекса подошла бесшумно.

— Смотри. Ты тоже это видишь?

— Свет? Да! Они что, дверь не закрыли? — девочка была ошеломлена не меньше отца.
— Они там с ума сошли?

— Кто их знает, — пожал плечами Михаил, хотя в темноте этого не было видно. — Слушай, стой здесь, я проверю.

— Возьми ружьё, — Алекса попыталась вложить в руки отца оружие, но он мягко оттолкнул её.

— Тебе нужнее. Смотри по сторонам, я быстро. Если что, у меня нож, — сказал Михаил и бесшумно направился к дому.

Деревенская изба, стоявшая на краю села Осановец, за двадцать лет разрослась. Михаил расширял её с прицелом на будущее: три жены обещали принести множество детей. Мужчина не любил, когда обстоятельства диктовали условия, и не мог себе представить, как его женщины уживутся в трёх маленьких комнатах. В свободное время он разбирал соседние дома — кирпичные и деревянные — и использовал материалы для достройки своей избы. Так одноэтажное здание со временем стало двухэтажным, а затем и трёхэтажным. Надстройки, как башенки заморского замка, вырастали по углам и держались на подпорках. Со стороны дом выглядел нелепо, местами даже уродливо, как карикатура на средневековый замок, но Михаилу было не до красоты — главное, что стены выдержали ядерную зиму, которая надолго захватила мир. В доме было тепло, и места хватало всем: и жёнам, и детям.

Практичность Михаила проявилась и в другом. Жёны ворчали, когда он тратил время на забор из кольев, направленных наружу, считая это бесполезной тратой сил. Но Михаил упорно строил ограду, и оказался прав. Когда оголодавшие и озлобленные звери начали нападать на дом, они бросались на колья, тщательно выструганные и плотно подогнанные друг к другу.

Хищники несколько лет осаждали дом, но Михаил не убирал трупы с ограды. Пусть звери запомнят, как погибали их сородичи, а скелеты будут для них напоминанием о том, что дом не взять. Постепенно нападавших становилось всё меньше: одни погибли, перегрызаясь друг с другом, другие ушли в поисках более лёгкой добычи. Оставшихся Михаил отстреливал из ружья, что тоже приносило пользу — в те холодные и голодные времена никто не отказывался от мяса убитых животных. Нинка, самая набожная из жён, даже благодарила Господа за милость в виде тощей собаки или облезлой кошки...

С тех пор, как Михаил установил ограду, она стояла назиданием для любых агрессивных животных, настоящих и будущих. Никому не мешала — ни тем тварям, что время от времени вновь бросались на колья, ни самому Михаилу, который лишь заботливо протирали скелеты, чтобы их было видно издалека. Но сейчас, глядя на размётанные в стороны колья, Михаил ощутил леденящий ужас: целый сегмент забора был сметён, разорван в клочья. Будто каток —

он вспомнил давно забытое слово — прошёлся по ограде. Или бульдозер. Характерно изрытая земля только подтверждала его догадку.

Люди! Прохоров напрягся, настороженно оглядываясь. Слабый свет, пробивающийся из сеней, едва освещал порог, но для глаз, привыкших к темноте, этого оказалось достаточно. С той точки, где он стоял, Михаил мог восстановить примерную картину произошедшего: какой-то гусеничный трактор прошёл через ограду, разметав колья и пробив себе путь к дому. Наглость пришельцев не вызывала сомнений — они пришли, как к себе домой, без стука и приглашения, «грязными ногами по ковру», уничтожив то, что он строил долгие годы.

— Вот же суки... — зло прошептал Михаил, сжимая в руке нож. Он терпеть не мог, когда кто-то грубо вторгся в его жизнь, хотя за последние двадцать лет такого и не случилось. Время будто застыло: словно ещё вчера он дрался с сослуживцами или приезжими парнями за девушку на улице.

Сжав зубы и крепче ухватив нож, он пошёл к дому, уже не скрываясь. Кто это здесь без его ведома хозяйничает? Судя по горящей лучине, кто-то из женщин уже встретил гостей. Но не должны были. Ой, как не поздоровится этим «гостям»! В его голове мелькали одна мрачная картина за другой, а сердце колотилось, словно дикая птица в клетке. Михаил даже ударил кулаком по ближайшему столбу, поддерживавшему одну из надстроек. Гнев должен был разгореться, вспыхнуть, чтобы его рука не дрогнула, чтобы в душе не осталось ни капли сомнений. Только твёрдость, решимость и злость.

Михаил всегда представлял, что однажды к ним придут люди — случайно или намеренно. После визита Потёмкина он больше не сомневался, что мир всё ещё населён людьми. Военный врач рассказал ему, что они продолжают воевать даже спустя двадцать лет после последней войны. За что теперь? Впрочем, Михаил знал ответ: за самое ценное, что осталось — за женщин, оружие и пищу. С едой всё было просто: найди чистую землю и выращивай. А вот с женщинами и оружием всё иначе — их оставалось мало, и за них глотки рвали. После визита лекаря Михаил понимал: тот день, когда люди ворвутся в их тихую жизнь, близок. Но он не знал, как это произойдёт. Вывороченный забор не оставлял сомнений — люди пришли как агрессоры. А агрессоры приносили только одно: зло.

Лучина всё ещё горела. Без сомнения, зажгла её Наталья — самая решительная из жён. И именно она, скорее всего, встречала гостей. Михаил медленно осмотрелся. Пол был сырым. Что это за тёмные пятна? Грязная вода с улицы? Или... кровь? Его брови сдвинулись, на лице проступило напряжение. Если пришлые что-то сделали с жёнами... Внутри поднялась волна гнева, и ругательство невольно сорвалось с его губ.

Вдруг его осенило: автомобиля перед домом уже нет. А это значит, что пришлые, скорее всего, ушли. Хотя... они могли оставить засаду, чтобы не спугнуть возможную добычу. Следовало быть готовым ко всему. Михаил, не теряя времени, сунул руку в скрытую нишу и вытащил оттуда АКСУ. Ещё давно в одной из деревень ему попался сгоревший БТР, вокруг которого валялись лишь поломанные кости. Судя по всему, солдаты пытались отбиться от нападавших, но те спалили машину и забрали всё оружие. Однако один автомат чудом сохранился, оказавшись отброшенным взрывом за колесо. Там его и не нашли. С тех пор Михаил обзавёлся армейским автоматом с двумя полными магазинами, соединёнными скотчем. До этого момента ему не приходилось его использовать.

Михаил открыл внутреннюю дверь и, вскинув автомат, осторожно вошёл в избу. В доме должны были гореть свечи, мягко освещая помещение, но все огни были потушены. Спрятались? Но если бы кто-то был в доме, они бы уже напали — силуэт Михаила чётко выделялся на фоне света из сеней, и он был виден, как на ладони. Но кругом стояла тишина, лишь где-то далеко и глухо скулил Алёшка. Что-то сильно напугало его.

— Где все? Что происходит? — пронеслось у Михаила в голове.

— Наталья! — крикнул он в темноту, ожидая ответа. Но никто не откликнулся.

— Нина! Лида! Дети! Кто-нибудь! — тишина. Только Алёшка завыл сильнее, но всё так же глухо, будто между ними находилось какое-то препятствие. Печка! Да, точно! Слабоумный, наверное, спрятался за ней. Но где же остальные?

Михаил осторожно продвигался по комнате, стараясь не делать лишних звуков. Справа на столе должен был стоять огарок свечи. Он медленно нащупал его, чиркнул зажигалкой — когда-то он нашёл несколько блоков зажигалок в заброшенном магазине другого посёлка. Тусклый свет свечи слегка разогнал тьму. Егохватило, чтобы рассмотреть часть комнаты. Если бы пришедшие всё ещё были здесь, они бы уже напали. Убедившись в этом, Михаил повесил автомат на плечо, поднял свечу повыше и вышел в центр комнаты. И тут его нога зацепилась о что-то на полу, и он едва не упал.

Сердце заколотилось в груди, а горло сжалось от предчувствия беды. Михаил осторожно присел рядом и поднёс источник света к куче. Слёзы хлынули потоком.

Слабый свет осветил бледное, лишённое жизни лицо женщины. Обескровленные губы, широко открытые безжизненные глаза и струйка тёмной жидкости, засохшей в уголке рта. На полу темнела лужа засохшей крови.

Прохоров зажал рот рукой, чтобы не закричать, но из горла вырвалось нечто, напоминающее рычание.

— Вот же, суки!

Он поднял огарок выше и чуть дальше различил ещё две бесформенные груды одежды. Это тоже жёны! Как же так? Почему? Рой вопросов в голове сменился звенящей пустотой, словно по черепу ударили тяжёлым предметом. Всё, жизнь оборвалась внезапно и бессмысленно. Жён больше нет, а где дети?

Нужно взять себя в руки и разобраться. В темноте не было больше тел, а где-то вдалеке был Алёшка. Он жив! Но где остальные?

Михаил встал и зажёл все огарки и лучины по периметру комнаты. Пространство наполнилось мрачным, призрачным светом танцующих огоньков. В центре комнаты лежали три тела, а из-за печки выглянул Алёшка — тощий семнадцатилетний парень. Он, не переставая, жалобно скулил, трясся всем телом, а в его глазах читался безмерный страх. Но рассказать о произошедшем он не мог — просто не умел. Видимо, у него было что сказать: у глаза у него наливался огромный синяк. Нападавшие явно били его.

Михаил тяжело посмотрел на сына, взял огарок и направился проверять остальные помещения. Может, кто-то успел спрятаться? Но повсюду царила пустота: перевёрнутые кровати, распотрошённые шкафы и разбросанная утварь. Разорение и хаос, ни следа детей. Что же произошло? Жены убиты, но не изнасилованы — это очевидно. Алёшку избили — зачем? Допрашивали? Узнавали, есть ли ещё кто-то? Если ушли, значит, не узнали! В противном случае оставили бы засаду. Это их шанс! Шанс незаметно подобраться к пришедшим, настигнуть их внезапно и отомстить.

— Ах ты, дурак! — раздался крик Алексы. Она зашла в дом и, увидев трупы, набросилась на Алёшку, который не защитил женщин и детей.

— Урод! Кретин! Почему ты не спас их?! — девочка била брата кулаками, а тот только съёжился у печи и ещё сильнее заскулил. Михаил хмуро наблюдал за этой сценой, но не вмешивался. Увидев отца, Алекса отвлеклась от старшего брата и попыталась оправдать его.

— Он... Он... — начала она, задыхаясь от слёз, но не смогла продолжить. Отец лишь махнул рукой.

— Он недоразвитый и слабоумный. Что ты от него хочешь? — Алекса только закрыла лицо руками. Михаил обошёл комнату, закрывая глаза жёнам. Что бы ни случилось, нужно что-то предпринимать. Пока он не увидел тел детей, они для него были живы. Значит, пришедшие их забрали. С какой целью, сейчас неважно. Если их забрали, нужно догнать и выручить. Или убедиться, что дети мертвы, и отомстить! Он не оставит смерть жён без ответа! Если посмели

убить их, пусть отвечают! Он ещё посмотрит этим уродам в глаза! Прохоров не заметил, как от злости сжал свечу так сильно, что она потухла, а огарок превратился в бесформенное нечто.

— Дочь, — позвал он. Алекса опустила руки и посмотрела на отца. Михаил кивнул в сторону подпола. Слёзы всё ещё текли по её щекам. — Достань НЗ и выйди на улицу. Мне нужно закончить здесь!

— Хорошо, отец, — кивнула Алекса и начала поднимать старый ковёр в углу комнаты. Но потом остановилась. — Что будем делать, пап?

Михаил помолчал, почёсывая бороду, а затем, растягивая слова, ответил:

— Я их на деревья подвешу и буду медленно сдирать кожу, прижигая раны, чтобы они не истекли кровью. Чтобы дольше ощущали боль... Я буду смотреть им в глаза и видеть сожаление и раскаяние за то, что они совершили, но их жизнь будет платой за смерть моих жён! В ад они попадут только через жуткие страдания! Давай, Саша, не тяни время. Каждая секунда на счету. Мне не терпится воткнуть нож в одного из этих сволочей.

Алекса нырнула в тёмный подпол, выудила оттуда два туго набитых рюкзака и, оставив один отцу, вышла с ружьём в ночь.

Тем временем Михаил собрал из комнат тряпье и сложил в одну кучу посередине. Осталось ещё одно дело...

Он подошёл к немного успокоившемуся сыну и обнял его. Алёшка зарылся лицом в тёплую куртку отца, продолжая ныть. Михаил чувствовал крупную дрожь, колотившую пацана изнутри.

Прохоров крепче сжал армейский нож, а другой рукой — шею сына, и прижал того к себе, чтобы парень не отрывал головы от его плеча, чтобы, не дай бог, не посмотрел ему в глаза. Тогда не получится сделать задуманное. И, направив нож в грудь мальчишки, резко нажал. Алёшка задёргался в конвульсиях, попытался отпрыгнуть, но агония продолжалась недолго. Инвалид вскоре затих в объятиях отца. Прохоров вытянул нож, обтёр его об одежду сына и спрятал. Потом положил тело на деревянный пол. Вытер рукавом не унимавшиеся слезы и поджёл грудю тряпья, затем, не оглядываясь, вышел со вторым рюкзаком.

Старенький механический фонарик зажужжал в руке Михаила, выхватывая из тьмы дочь и следы транспортного средства, которое разрушило забор.

— Мы уходим, — хмуро произнёс он, осматривая следы. Направление движения транспорта оказалось очевидным.

— А Алёшка? — спросила Алекса, нервно переминаясь с ноги на ногу.

— Он остаётся, — выдавил из себя отец. — Ему с нами будет тяжело...

— Ты что? — воскликнула Саша, внезапно осознав всё. — Что ты сделал?!

— Он бы не выдержал и стал бы обузой, — словно оправдываясь, ответил Михаил. Но дочь метнулась к нему и начала бить, куда попало.

— Он мой брат! Он твой сын! И ты его!.. Ты его... Ты! Как ты мог?!

Прохоров перехватил её руки и прижал к себе крепко, так, чтобы у вырывающейся девочки не осталось возможности шевельнуться. Пусть она сейчас переживёт эти эмоции и перегорит, чтобы в будущем голова оставалась ясной. Александра ревела во весь голос, но вырываться перестала. Ей потихоньку становилась ясна неудобная правда, а отец тем временем гладил её по волосам.

— Иначе мы не спасём других, — твердил он. — Алёшка — обуза и задержал бы нас, это могло навредить остальным. Понимаешь? Тогда у нас не осталось бы надежды спасти детей и отомстить за матерей! Так будет лучше — и для нас, и для него! Пойми, дочь, он давно устал жить! Да и не жил он... только мучился! Прости меня, если сможешь. Прости, прости, прости...

Алекса молча отошла и взглянула на разгорающийся дом. Это был погребальный костёр. Так, кажется, в книжках описывался ритуал сожжения предводителей викингов, когда те

отправлялись в Валгаллу. Старый дом недолго сопротивлялся огню и вскоре вспыхнул, как спичка. Огненный столп оповестил окрестности о гибели людского поселения. Дочь повернулась к отцу.

— Всё нормально, — тихо сказала Александра. — Давай разыщем этих уродов!

— Пойдём, Саш, — кивнул Михаил, и они с дочерью скрылись во тьме, лишь свет фонарика ещё долго скакал по дороге.

Глава 5. Орден нефтяников

Сова поудобнее устроилась за укрывающим её бортиком, сняла с плеча чёрную СВДС с оптическим прицелом и глушителем-пламегасителем. На всякий случай извлекла магазин на десять патронов калибра 7,62, проверила его и вставила обратно. Затем она сдвинула на лоб горнолыжные очки и приложила к окуляру оптического прицела. Для начала нужно было разведать обстановку и оценить местность, где ей предстоит вести диверсионную деятельность против врага. Против убийц отца, уточнила она про себя. Так было понятнее, и ярость не угасала, а лишь нарастала. Никакой пощады убийцам! Никакого, чёрт возьми, милосердия! Только смерть и месть. Месть и смерть. Софья заберёт у них то, чего они не оставили её отцу — жизни! Их жалкие и ничтожные жизни! Кроме...

Но это не прямо сейчас. Сначала Софья подготовится. Она станет для них неуловимым ангелом мести, забирающим по одному или двум каждый день, нагонит на город страх, пока те не спрячутся в свои жалкие убежища от ужаса. А потом... потом она разнесёт здесь всё к чёрту! И выведет всех детей, которых найдёт! Негоже детям учиться у убийц. Негоже. Не для того выжившие люди боролись за жизнь, чтобы их потомки повторяли чужие ошибки, даже если теперь их раскидало по опустевшей стране.

Макаренко осмотрела поселение. Огромная территория железнодорожного вокзала была огорожена толстой сеткой-рабицей, а на дальних подступах из земли торчали острые внушительные колья, местами покрытые бурым налётом. На некоторых висели разлагающиеся туши лохматых животных — возможно, хорьков. По верху сетки и между кольями тянулась колючая проволока, проложенная щедрой рукой. Через каждые пятьдесят метров стояла обзорная вышка с часовым и мощными прожекторами.

— Эк укрепились, уроды, — прошептала Сова, продолжая осмотр. — Но есть что охранять, это точно.

Они сберегали многочисленные железнодорожные составы с цистернами мазута и нефти. А также... Газ? Спирт? Бензин? Какая-то химия? В цистернах, похоже, было всё это.

— Ничего себе! — невольно вырвалось у Совы. — Так вы, сволочи, не только богаты, но и по округе шлёпаетесь, народ обираете! Плохо это, очень плохо!

Возле одноэтажного здания вокзала полукругом стояли жилые бараки, из труб которых валил чёрный дым. Видимо, жгли мазут, чтобы отапливать помещения. Перед бараками стояли несколько целых транспортных средств. По очертаниям Сова поняла, что именно за машины припаркованы — отец когда-то показывал ей картинки. Здесь были и несколько чёрных «хаммеров», и, кажется, «хонда», а также пять снегоходов и другие автомобили. Все они были оборудованы пулемётами. Возможно, где-то были и собаки. В ближайшие пару дней нужно будет тщательно высмотреть все нюансы.

— М-да... Нелегко будет с вами воевать, — присвистнула Сова, продолжая осмотр.

Через некоторое время она мысленно нарисовала план поселения и спустилась вниз. Сейчас нужно было отдохнуть и обдумать дальнейшие действия. В отдалённой части здания, вдали от вокзала, Сова нашла помещение с окнами, выходящими на другую улицу. Она обошла соседние комнаты, собирая остатки мебели, которые могли пригодиться. Разломала их. Чтобы её не заметили с улицы, закрыла окна длинным листом фанеры, а из оставшихся частей, используя сухой лёд и спички, развела костёр. Рядом с огнём расстелила полусгнивший матрас и уселась готовить ужин.

Из трёх шампуров Сова соорудила навес, на который подвесила тощую тушку зайца, убитого по пути. Время такое: либо ты, либо тебя. Хорошо хоть, кролик не понял, откуда пришла смерть, а то бы ещё бросился. Вспомнив о другом случае, Сова невольно усмехнулась: как она

долго потом выдёргивала пассатижами ядовитые зубы из пасти Мути — сидели они слишком крепко, не то, что у людей, у которых зубы чуть ударишь, и месяц шатаются.

Макаренко уложила рядом с костром ржавую железяку и разместила на ней промокшие за день варёжки и толстую вязаную шапку, чтобы они подсохли. Русые волосы рассыпались по плечам, но она собрала их в хвост, как могла. Запах жареного зайца разносился по комнате, вызывая нестерпимый голод. Софья с трудом удерживала себя от того, чтобы не оторвать худую ногу и не начать жевать жёсткое мясо. Но она знала, что в сыром мясе могут быть паразиты. И если они попадут в организм, никто уже не спасёт: эти мутировавшие твари выедают внутренности без остатка.

Наконец, жаркое было готово. Софья достала из рюкзака маленькую стеклянную баночку с солью и начала жевать жёсткое мясо. Не свинина, конечно, но лучше, чем крысы. И безопаснее. Крысы — как губка, впитывающая всё, включая тухлятину. Она поморщилась. Мысли куда-то не туда. Надо сосредоточиться на диверсии, а не на ерунде.

Для начала нужно обойти близлежащие постройки и найти места для снайперских схронов, откуда можно будет устранять по паре человек в день. Лучше начать с собак, если они там есть. Затем разобраться с цистернами. Мазут просто так не поджечь, даже если бросать внутрь спички. Понадобится коктейль Молотова. А вот со спиртом, бензином и газом будет проще... Главное — не оказаться в эпицентре взрыва. Риск подорваться самой слишком велик. Пластид у неё был, немного. Если разделить его, взрывчатки хватит на несколько цистерн — как отвлекающий манёвр. Но чтобы спалить всё — понадобится что-то серьёзнее.

Таков был план: каждый день устранять по одному-два-три человека, быстро менять позицию, заматаывая следы. Для этого очень пригодилась бы снежная, ненастная погода. Затем несколько дней отсиживаться в схронах, чтобы не попасться. Потом снова отстрел бандитов и снова укрытие. И в конце — устроить грандиозный фейерверк. Пусть не расслабляются и тратят все силы на тушение пожара, пока не выдохнутся... А потом — всё заново: отстрел, укрытие, взрывы.

Они будут сидеть в своих бараках, трясаясь от страха. Конечно, сначала попробуют устроить облавы, побегают. Но Сова спрячется, и никто её не найдёт. Нечего было убивать офицера спецподразделения! И злить его дочь!

— Вы ещё попляшете, ублюдки! — прошептала Сова, сжав заячью кость так сильно, что та хрустнула. Она бросила остатки ужина в костёр и улеглась на бок. Пока огонь догорит, Макаренко успеет заснуть. А утром, на свежую голову, ещё раз осмотрит местные окрестности. Даже памятник у вокзала может оказаться полезным. Любое дерево, канава или разрушенное здание — всё может сыграть на руку, главное — правильно просчитать свои шаги.

Софья медленно погружалась в сон. Она была спокойна: специальная растяжка, оставленная двумя этажами ниже, не даст никому бесшумно подобраться к ней. Ни зверью, ни людям, ставшим похожими на зверей. Под рукой уютно лежал «Кедр-Б» — любой, кто войдёт, сразу попадёт под шквал смертельных пуль. На улице уже стемнело, и завтрашний день обещал принести много нового. Девушка, предвкушая это, строила всё более расплывчатые и мрачные планы. Их становилось всё больше, они были всё ужаснее. Сознание играло с подсознанием, пока, наконец, Сова не погрузилась в беспокойный сон.

Где-то справа раздалось утробное кряканье утки. Через мгновение слева ему ответил другой такой же звук. Но только Сова смогла уловить тонкое, едва заметное отличие: эти звуки были искусственными, подражающими настоящим уткам. Да и уток здесь, в лесу, никогда не водилось. пышная растительность скрывала от глаз этих дилетантов, изображающих охотников, но и Софью скрывала от них. Юной и хрупкой девушке было гораздо легче затеряться среди густой листвы, чем целой ораве мужчин в зелёных масках, которые по неизвестной

причине устроили на неё охоту, разыгрывая утиную сцену с кряканием. Но, похоже, теперь ей придётся охотиться вместо них.

Больше двадцати человек «перекрякивались» друг с другом, надеясь, что этот обман собьёт девушку с толку, заставит растеряться и загонит её в смертельную ловушку. Но они забыли, что это был её лес. Лес, в котором она выросла, который был с детства опасен, но давно приручён ею. Сова знала всё о его обитателях, их повадках, о растениях и деревьях, к которым лучше не подходить. Она знала безопасные тропы, которые звери и растения делили между собой. И если понимать правила этой экосистемы, можно было пройти через лес беспрепятственно.

А эти «охотники»... Они явно не понимали, где оказались. Кто ж так ломится напролом через мир, который может оказаться им не по зубам? Особенно, если не знать законов, царящих в замкнутой экосистеме леса.

Одиночный «кряк» резко прервался, сменившись криком мужчины, охваченного агонией. Судя по направлению и расстоянию, там была территория рыси — зверя, который гостей не жалуется. Вернее, жалуется, но только в качестве еды. Следом несколько раз нервно «крякнули» остальные, но ответа не дождались. Рысь не церемонится: вцепляется в горло и утаскивает добычу в своё логово.

Сова подождала несколько минут, и вскоре услышала ещё один хрип — рысь запасалась впрок. Минус два. Тем временем, с нескольких сторон раздалось встревоженное кряканье: они явно не понимали, что происходит. Лес начинал свою смертельную игру с непрошеными гостями, не готовыми к встрече с его жестокими законами.

Софья присела, когда в двадцати метрах раздался истошный вопль, а за ним — беспорядочная очередь из автомата. Пуля пробила ствол дерева рядом с ней, а остальные прошли над её головой. Неподдалёку раздалось хрипение: стрелок, похоже, попал в одного из своих. Судя по тяжёлому падению в кустарник, рана оказалась смертельной. Минус четыре.

Крик донёсся из места, где, как знала Сова, находился капкан подземного хищника — воронка с острыми шипами внутри. Листва скрывала её, а любой, кто наступит, теряет ногу и медленно затягивается внутрь, где существо пожирает его по кускам. Судя по долговому агонирующему крику, человек умер только после того, как потерял сознание от боли.

Сове не нужно было даже вмешиваться. Достаточно было спрятаться и подождать, пока лес сам разберётся с чужаками. Единственной проблемой было то, что один из охотников шёл прямо на её укрытие. Но и для него у Совы был припасён сюрприз: напротив прижавшейся к дереву девушки медленно раскачивался огромный бутон венериной мухоловки, охотившейся теперь не только на мух, но и на всё живое, что было достаточно крупным, чтобы удовлетворить её аппетит.

Первым показался АКСУ, и Софья не стала дожидаться, пока мужчина поравняется и заметит её. Макаренко резко выпрямилась и с силой ударила врага по лицу тяжёлым ботинком. С детства отец настаивал, чтобы она тренировала растяжку ног, и Софья терпела невыносимую боль, когда он давил на её плечи своим весом, растягивая мышцы. Теперь, благодаря поставленному удару, она могла наносить стремительные удары ногами, от которых никто не ожидал такой мощи. Раздался хруст ломавшегося носа, и бандит начал падать назад. Но Сова не позволила ему упасть, схватила за руки и направила его в другую сторону — прямо в раскрытую пасть венериной мухоловки, которая мгновенно сомкнулась, пронзив жертву острыми шипами. Мужчина дёрнулся, вынырнув из обморока, и заорал. Его глаза, полные ужаса и недоумения, впились в Сову: «Девушка? Это девушка, мать вашу?!»

«Да, девушка! А почему бы и нет, мать вашу?!» — мысленно усмехнулась Софья и, хищно ухмыляясь, выставила вперёд руку с торчащим средним пальцем. Крик мужчины стал ещё громче, когда мухоловка сжала его сильнее, словно тиски. Захрустели кости, и он снова потерял сознание от боли.

Снова слышалось криканье — бандиты пытались перекликаться, но недосчитались ещё одного: минус пять. Сколько их ещё осталось? Сова попыталась сосчитать, но сбилась на десятой. Что это за облава такая? Почему на неё охотится целая толпа? Хотя ответ был ей известен — отец её предупреждал.

Макаренко скользнула мимо поглощавшего жертву цветка и продолжила двигаться: нужно было опередить охотников и вырваться из окружения. Чуть дальше должна быть просека — она могла засесть на другом её конце и снять первых, кто появится на открытом пространстве. Главное — успеть пересечь его первой.

Вот и просека. Чёрт! Впереди показался силуэт мужчины. Софья не успела. Бандит двигался вперёд, не оглядываясь, а это означало, что он пока её не заметил. Хорошо. Она осмотрелась и через ветви увидела второго — он иногда поглядывал в сторону напарника, проверяя, на месте ли тот. Если Сова нападёт на одного, другой сразу же вступит в бой. Надо действовать быстро.

Софья вытащила нож из ножен на поясе. Первой целью должен был стать тот, что поглядывал по сторонам — он опаснее. Она побежала к идущему впереди и, как только в просвете ветвей мелькнуло лицо второго, метнула нож. Тот вонзился точно в горло. Бандит захрипел слишком громко и упал. Первый, услышав шум, остановился, уставившись в сторону упавшего товарища, теряя драгоценные секунды.

«Тормоз», — подумала Сова.

Она уже сократила дистанцию. Когда мужчина понял, что произошло, он начал оборачиваться и поднимать автомат, но Софья оказалась быстрее. Одной рукой она отбросила оружие в сторону, другой ударила его в кадык. Мужчина захрипел, пытаясь вдохнуть, но сломанный хрящ лишь врезался глубже. Софья ударила его в пах, и когда он согнулся от боли, нанесла сильный удар ногой по голове. Шейные позвонки хрустнули, и бандит рухнул замертво.

Макаренко быстро пересекла просеку и нырнула под кроны деревьев. Она едва не попала в паутину — вовремя заметила почти прозрачные нити, натянутые между двух деревьев. Паук должен быть где-то рядом. Вот он, слева, в своей «норке» из паутины, прикрытой листьями. План созрел мгновенно.

Софья осторожно обошла паутину, встала так, чтобы было видно просеку, и отломала палку. Приготовила «Кедр-Б» с глушителем. Через несколько секунд враги выйдут на просеку. Нужно было действовать быстро, чтобы не оказаться на линии огня. На опушке показались пять человек, все в одинаковых зелёных маскировочных накидках. Идут цепью, соблюдая дистанцию в пару метров. Удобно.

Софья ткнула палкой в центр паутины, поглядывая на «домик» паука. Прочная сеть содрогнулась и завибрировала. Показались лапки, но сам паук не торопился вылезать, будто прислушивался, оценивая ситуацию. Бандиты уже прошли половину просеки. Пора было действовать.

Сова уверенно ткнула палкой сильнее, несколько раз прокрутила её, чтобы намотать паутину, и потянула на себя. Паук, недовольный такой наглостью, мгновенно выскочил в центр своей сети, чтобы выяснить, кто осмелился нарушить его владения. Красавец сине-зелёного цвета, размером с две ладони, с ярко-красным крестом на спине. А Софья продолжала тянуть паутину, пока та не оборвалась. Получилось импровизированное пращеобразное оружие: паутинка и сам паук — снаряд. Был ли паук доволен своей новой ролью, неизвестно, но, когда он врезался в лицо центрального бандита, тот завопил от боли и ужаса. Мужчина метался по просеке, пытаясь избавиться от агрессивного паука, а его товарищи сгрудились, боясь подойти.

И вот они сгруппировались — самое время для «Кедра-Б». Сова прицелилась и короткими очередями сняла сначала двух слева, потом — двух справа. Занятые тем, что пытались помочь своему кричащему товарищу, они даже не поняли, что по ним стреляли. Спустя несколько секунд и сам мужчина рухнул — паук оказался ядовитым.

Но с другой стороны просеки её заметили. Вражеский огонь заставил Софью срочно отступить в чащу. Пули свистели вокруг, вонзаясь в стволы деревьев и сбивая листья, которые медленно кружились в воздухе, но Сова двигалась слишком быстро, исчезая в другой части леса. Гибкая и ловкая, она скользила среди деревьев, избегая опасные участки, и по широкой дуге возвращалась к просеке. Её план был прост: делать то, чего враг не ожидает. Бандиты явно не думали, что жертва вернётся прямо в их руки. Макаренко теперь двигалась на них, навстречу кричащим и стреляющим наугад охотникам. Их силуэты отчётливо выделялись на фоне светлой просеки — пять или шесть человек, всё ещё идущих цепью. Они были уверены, что охота близится к концу: жертва одна, а их много. Прятаться им казалось бессмысленным.

Скорее всего, командир уже был мёртв, убит рысью, а без него бандиты оказались дезориентированы. Пока они не поняли, что произошло, Софья уже нашла укрытие в густой листве. Из бесшумного «Кедра» она сняла ещё троих. Оставшиеся в живых начали паниковать, не понимая, откуда ведётся огонь, и стреляли во все стороны, одержимые страхом. Неизвестная сила убивала их товарищей, так и не показав себя. Они не знали, зачем оказались в этом лесу — это знал только командир, который умер одним из первых.

Софья отступила, обходя врагов с правого фланга, уверенная, что осталось лишь двое. Но она жестоко ошиблась.

Что-то мелькнуло сбоку, и прежде, чем она успела среагировать, сокрушительный удар настиг её прямо в лицо. Из-за широкого ствола ели появился кулак и врезался в Софью. Ударная инерция подбросила её в воздух, словно тряпичную куклу. Она рухнула на спину, почти потеряв сознание от боли. Кроны деревьев сливались в одно расплывчатое тёмное пятно, а над ней медленно склонилась массивная фигура. Софья не могла дышать носом — его заполняло что-то тёплое и терпкое, затекавшее в горло. Кровь хлынула обильно, и теперь её задача была не захлебнуться собственной кровью.

Её резко подняла вверх неведомая сила, и гортань освободилась. Сова закашлялась, и сгустки крови брызнули прямо в лицо бородатому громиле, сбившему её с ног и теперь поднимающему и прижавшему к стволу ели. Кровь снова хлынула из носа, оставляя алый след на подбородке. Софья попыталась мотнуть головой, чтобы сбросить туман перед глазами, но не смогла — широкая ладонь крепко держала её за шею, не давая пошевелиться.

«Попалась... Отец будет недоволен».

Бородатый вытер её кровь со своего лица и заорал на весь лес, явно никого не опасаясь:

— Эй, стрелялы, вашу парашу! — его товарищи по-прежнему палили в кусты, перезаряжая автоматы.

— Эй, кретины! — рявкнул он во всю мощь лёгких, наконец возвращая их к реальности. Бандиты прекратили стрельбу. — Сюда! Я покажу вам, вашу парашу, кто вас уложил, как котят беспомощных! Вояки, вашу мать!

Он с немым восторгом разглядывал обездвиженную девушку, сохраняя безопасную дистанцию. Обездвиженная не значит безобидная: та, кто уложила столько бойцов, ещё могла преподнести сюрпризы.

— Ну что, сучка? Теперь поговорим? — прошипел он с мерзким удовольствием, сжимая её горло, но тут же ослабил хватку, чтобы она не задохнулась раньше времени.

Туман перед глазами рассеялся, и Сова, моргая, наконец увидела противника. Перед ней возвышался настоящий великан: под два метра ростом, широкие плечи и крепкие мускулы, словно высеченные из камня. С таким не справишься быстро, а если промедлить — можно погибнуть. Из-за кустов начали выходить двое его оставшихся соратников. Уставшие и перепуганные, они таращились на хрупкую девушку в зелёном комбинезоне с немым вопросом на лицах: это она перебила их толпу?

Бандиты были с оружием, но от шока и веры в силу своего громилы держали его опущенным, что играло на руку Сове. Она не стала терять время.

Схватившись за руку бородача, Софья упёрлась ногой в его живот и нанесла сокрушительный удар коленом по подбородку. Ещё раз! Хрустнули кости лица. Ещё! Бородач замычал от боли и выпустил её, хватаясь за окровавленное лицо. Кровь брызнула в разные стороны, и великан рухнул на колени, теряя сознание от шока.

Сова уже была на ногах. Одним мощным ударом по виску она отправила бородача в нокаут. Жив — разберётся с ним потом. Сейчас — дело за двумя оставшимися, которые медленно, слишком медленно поднимали автоматы. Софья метнулась к ним, оказавшись между бандитами, прежде чем те успели прицелиться. Она крутанулась вокруг своей оси, нанося удары: одному — в горло, другому — по затылку. Серия ударов локтями завершила дело: одному — в кадык, другому — в висок. Затем, чтобы закрепить успех, она резко свернула первому шею до хруста, а второго — лежащего — добила, разmozжив череп тяжёлым ботинком.

Софья огляделась. Три тела, бородач не двигался. Вокруг стояла тишина. Похоже, больше никого из банды в живых не осталось. Победа! Вот только нос был сбит набок, и незаметной остаться не удалось, а ведь именно такую задачу ставил отец, когда учил её действовать.

— Ну что, дочь, завтра последний экзамен. Я привёл для тебя банду мародёров из Вологды, — спокойно сказал отец.

— Класс, пап! — с улыбкой ответила Софья.

— Если всё сделаешь правильно, останешься жива. Если провалишься — я прикрою, но не жди поблажек, ни от меня, ни от жизни. Она не прощает слабых и не терпит лжи. Так что постарайся завтра не облажаться. Но я верю в тебя. Я видел, как ты готовилась, не щадя себя. Думаю, всё пройдёт успешно. Единственное, что мне нужно — чтобы ты осталась незамеченной, не получила ран, и с каждого убитого принесла трофей. Неважно, что именно, но трофей означает, что ты убила не зря. Что враг своей смертью принёс тебе пользу. Всё ясно?

— Так точно!

— Я серьёзно.

— Да, отец, всё ясно.

— Ну вот и хорошо. Готовься. Завтра они придут в наш лес, я лишь на день их опередил, так что времени у тебя немного.

— Хватит, чтобы уничтожить маленькую армию, — спокойно пожала плечами Софья. Отец бросил на неё косой взгляд, а потом ухмыльнулся, понимая, насколько она ещё далека от осознания того, как сильно реальный бой отличается от тренировок. Она пока не участвовала в настоящем сражении. Что ж, это будет ей хорошим уроком... если выживет, конечно.

Теперь Софье оставалось лишь вернуться, пробежаться по лесу и собрать трофеи. Хоть одну задачу она выполнила. Но отец всё равно был строг. Вернувшись, он вправил ей сломанный нос без всякого обезболивания — чтобы жизнь мёдом не казалась!

Макаренко проснулась от холода. Костер давно прогорел, а тёплое покрывало уже не спасало от стужи, которая пробралась сквозь несколько слоёв одежды и одеял. Девушка машинально дотронулась до кривого носа. Чёрт! Даже вспоминать ту боль было неприятно, не говоря уже о том, чтобы снова переживать её в кошмарах. Снова и снова она возвращалась в прошлое, словно всё это происходило наяву. Эти воспоминания — всё, что осталось от отца. Хотя многие из них терзали её душу, они были её единственной связью с прошлым.

Софья выглянула через импровизированные ставни. Снег успокоился, с неба теперь падали лишь редкие, лёгкие хлопья. Они не помешают осмотру, но и не скроют её от врага. Она смочила горло водой из фляги, перекинула накидку на белоснежную, собрала вещи в рюкзак и вновь поднялась на крышу. Ветер переменился, и тяжёлые тучи, наполненные влагой, медленно неслись на восток.

Софье стало тоскливо. Матери она почти не помнила, а отец погиб недавно. Хоть он был строгим и суровым, ей не хватало его. Она скучала по его нравоучениям, по ворчанию, когда

что-то шло не так. Иногда она не понимала его, но на подсознательном уровне боготворила. Наверное, он хотел сына. Но его упорство в обучении дочери доказывало его любовь. Она любила его, хотя и скрывала свои чувства, зная, как он ненавидел излишнюю сентиментальность. Софья сжимала зубы, когда он бранил её, тихо смеялась в воротник, когда он не видел, и осторожно поправляла ему одеяло, словно он был ребёнком.

Чувства нахлынули на неё, когда его не стало. Боль почти свела её с ума, но она сумела взять себя в руки и продумать дальнейшие шаги. Отец всегда учил её сдерживать эмоции и думать, думать, думать. Месть должна быть холодной и продуманной, а не на горячую голову. Макаренко успокоилась и отправилась в путь. Что ж, нефтяникам не удастся её вывести из себя. Она была готова к методичному уничтожению их общины, сколько бы это ни заняло времени.

Пока Софья неторопливо обустраивала своё место и готовила винтовку, внизу раздался навязчивый шум, который то приближался, то удалялся. Что это было? Сова осторожно выглянула из укрытия, настроила оптику и осмотрела лагерь нефтяников. Люди внутри ограждённой территории засуетились. Из барака вышел мужчина в тёмном бушлате и шапке-ушанке, направился к воротам и начал раздавать указания часовым на вышках. Явно готовились к чему-то. Но звук доносился не оттуда. Софья провела винтовкой вдоль дороги и, наконец, нашла источник — одинокий фургон, покрытый ржавыми листами стали, с отметинами от когтей животных и приваренными острыми штырями.

Любопытно. Значит, кроме нефтяников здесь были и другие. Это была ценная информация — в расчёте на успех операции нужно учитывать и возможных союзников бандитов. Мало ли кто может оказаться в тылу.

Софья внимательно наблюдала за фургоном. Он подъехал, ворота лагеря на миг открылись, затем захлопнулись. Шипастый монстр на колёсах остановился перед мужчиной в бушлате, и из кабины выскочили двое. Один подошёл к встречающему, они пожали руки и о чём-то переговаривались, а второй открыл фургон, из которого выпрыгнули пятеро. Они сразу выстроились в шеренгу перед «бушлатом». Тот прошёл вдоль строя, осмотрел бойцов и, судя по всему, остался доволен, потому что резко крикнул что-то в сторону бараков.

Сова переместила винтовку в сторону серых одноэтажных сараев и вдруг замерла, потрясённая: из дверей один за другим выходили дети. Чумазые, истощённые, в лохмотьях, они выглядели жалко. Их лица выражали безграничный страх, а дрожащие, измождённые тела выдавали не холод, а ужас. Куда их ведут? Что с ними будет?

Софью охватили ужас и негодование: как такое вообще возможно? Что здесь происходит? Сердце разрывалось от сострадания к этим чужим детям, но Макаренко пока не понимала, что с ней происходит. Если бы кто-то мог объяснить это чувство, то назвал бы его материнским инстинктом. Но рядом не было никого, кто мог бы ей подсказать. Она была одна. В мире остались только она и бандиты.

Охваченная возмущением, Сова всматривалась в мрачные лица детей, пока их не погрузили в фургон и машина не уехала. Она долго провожала её взглядом через прицел, пока автомобиль не скрылся за поворотом.

Затем девушка откатилась от края крыши, вскочила на ноги и начала метаться взад-вперёд, не помня себя от ярости. Такой силы эмоций она ещё не испытывала. В порыве злости сорвала респиратор с лица — казалось, что ей не хватает воздуха. Она с остервенением пинала снег, словно тот был виноват в её бессилии. Макаренко злилась на свою неспособность помочь детям. Куда их повезли? Что с ними будет? Она не знала.

«Вот твари! Нет! Нет!» — думала Сова.

Все её планы мести, казалось, летели к чертям. Она не могла бросить детей на произвол судьбы, а это означало, что придётся отложить свои замыслы.

Софья остановилась, сжав кулаки, пытаясь успокоиться. Нефтяники ведь никуда не денутся. Что мешает сначала спасти детей, а потом заняться мстью? Её внутренний голос подсказывал, что сейчас эти дети нуждаются в её помощи больше всего. Но куда их увезли? Через день снег покроет все следы, и она потеряет шанс их найти.

Стоп! Нужно мыслить трезво. Ведь пятеро бойцов только что выгрузились из фургона. Они-то точно знают, куда увезли детей. Софья почувствовала, как по её губам расползлась недобрая улыбка — теперь она знала, что делать.

Глава 6. Жестокий отбор

Время тянулось медленно, будто остановилось. Звуки борьбы, а скорее настоящей войны, доносились с поверхности, то стихая, то вновь набирая силу. В эти моменты дети жались друг к другу, пытались слиться с древними кирпичными стенами и раствориться в полумраке. Они отчаянно надеялись, что это не последние минуты Юрьев-Польского. Что звери ещё не сломили немногих защитников и не рвутся через мрак старого туннеля, жаждая полакомиться юным мясом беспомощных людишек. В такие минуты даже трёхлетний Сёма замирал, боясь заплакать, опасаясь, что его плач приведёт к гибели всех остальных.

К утру шум наверху начал затихать: то ли защитники перебили почти всех животных, то ли уже некому было защищать древний Юрьев и детей. Редкие выстрелы сменялись столь же редкими воплями тварей. Казалось, обе стороны настолько истощились, что им стало не до войны, и лишь изредка кто-то осмеливался нарушить шаткое перемирие.

Однако, что бы ни происходило наверху, усталость взяла своё. Ночь, полная ужасов, выжала из детей все силы. Один за другим они погружались в беспокойную дрему, а потом засыпали так крепко, что даже звуки с поверхности не могли их разбудить.

Бабушки тихо и настороженно обсуждали что-то между собой. Их шёпот погрузил Колю в странное состояние, похожее на липкую дрему. Это было забытьё, но необычное — скорее оцепенение, когда тело неподвижно, а сознание, напротив, остаётся ясным. Он словно мысленно путешествовал — не то во сне, не то наяву. И хотя казалось, что не спишь, поднять руку было невозможно. Коля не смог бы объяснить своё состояние даже самому себе, но с детства любил эти редкие моменты и стремился исследовать границы своих возможностей.

Сначала он ночами бродил по коридорам катакомб, иногда «выныривая» из подземелий как фантом, не задумываясь, есть ли у него тело. Это чувство стиралось, как стирается во сне. Со временем он стал осмеливаться и впадать в это состояние даже днём, на людях. Он заходил в их крошечные комнаты, наблюдал за их действиями, иногда становясь свидетелем слишком интимных сцен, от чего сгорал от стыда. Но выйти из этого состояния, исчезнуть по своей воле, у него не получалось. Пока не получалось. И он был вынужден досматривать события, невольным участником которых становился.

Коля даже не пытался рассказывать другим о своём состоянии, опасаясь, что его сочтут странным, а значит, опасным. Могли ведь и сжить со света, как это произошло с Ярославом, которого внезапно объявили дьяволом. Почему, спрашивается, им это взбрело в голову? Ярослав спокойно прожил в Юрьеве восемнадцать лет — и вдруг оказался дьяволом? Коля не соглашался с общим мнением, но что он мог сделать, когда в церкви решалась судьба необычного парня? В лучшем случае самого Колю просто бы выгнали, а в худшем — признали пособником дьявола вместе с Ярославом. Люди жестоки, а в толпе и вовсе теряют разум, превращаясь в единое существо, подчиняющееся любым приказам, как одно огромное чудовище.

Вот и сейчас Ростов вновь погрузился в свой «сон наяву», отрешённо путешествуя по камере. Он легко читал чувства, а иногда даже мысли спящих детей. Возможно, это было неправильно, но ему необходимо было понять их настроение, чтобы знать, как помочь, когда последняя надежда покинет всех.

Трёхлетний Сёма был охвачен непроглядным ужасом. Даже во сне он дрожал, прижавшись к Ане Капустиной. Коля не понимал, как мальчик держится. Возможно, у него просто не было другого выбора, кроме как поддаться простым инстинктам — прижаться к девочке, словно к матери, и раствориться в её тепле, как в каком-то добром и защищённом пространстве. А Аня, тоже испуганная, прижала его к себе с заботой и состраданием.

Рядом устроились Вика и тринадцатилетние Олег с Ольгой Карасёвы. Они чувствовали примерно то же, хотя Олег был более беспокоен: он всё время просыпался, поправляя грязное, местами рваное одеяло, которое сползало с тех, кого он опекал.

Их родители тоже сражались наверху, пытаясь защитить детей от неминуемой гибели. Дети это прекрасно понимали, как и то, что многие из взрослых уже не вернутся. Они родились в мире, где смерть была столь же обыденной, как и дни рождения, и давно привыкли к ней. Поэтому никто особо не удивлялся, когда у кого-то из знакомых не возвращалась домой мать или отец. Да и детей порой забирали из-за их непохожести на других — и потом их никто больше не видел.

Совсем другие чувства владели бунтарской троицей. Руслан горел праведным гневом из-за того, что ему запретили помочь взрослым — даже во сне он дёргал ногой. А Витя и Катя, свернувшись рядом, словно по-собачьи, с преданностью следовали за ним. Они были уверены, что Руслан прав, и готовы были идти за ним, что бы он ни решил.

Ванька и Варя Выдрёнковы крепко обнялись. Не хватало ещё переживаний за отца, который сейчас сражался наверху, так ещё и Ярослав, их приёмный брат, покинул город в поисках лучшей жизни. Варя к тому же жестоко играла чувствами Ярослава, хотя, похоже, не осознавала своей вины. Вдруг она подняла взгляд на Колю и нахмурилась, как будто осуждая: «Чего это ты тут подсматриваешь?»

Ростов вздрогнул от неожиданности, выходя из своего оцепенения. Что это было? Неужели Варя его почувствовала? Но как? Никто никогда не догадывался о его невинной забаве, а она... Она взглянула прямо на него в тот момент, когда он прикоснулся к её чувствам. Неужели она тоже способна на что-то подобное? Коля расширил глаза, уставившись на Варю, а она в ответ так же строго смотрела на него и качала головой, молча предупреждая: «Никогда так больше не делай!»

Ростов залился краской и спрятал лицо в колени. Впервые кто-то осудил его, и это было крайне неприятно. Он осознал, что не единственный с такой способностью, и от этого ему стало ещё более неловко. Его одиночество вдруг стало особенно острым — теперь кто-то знал его тайну. В голове у него пронеслись мысли о том, что теперь его могут презирать, тыкать в него пальцем, смеяться из-за его непохожести. Он сжался в комок, пытаясь уснуть, но сон не приходил.

— Что там? — внезапно вскочила Зоя Павловна со своего топчана у решётки, нацелив оружие в полутёмный коридор, уходящий вправо. Тишина, недавно окутывавшая утренний город, нарушалась лишь слабым шорохом, доносящимся из катакомб. — Чувствую, старая, и по наши души пришли. Наконец-то на пенсию выйдем.

«Пенсией» она называла смерть. Что-то недоброе происходило в катакомбах. Коля вскочил на ноги и громким криком начал будить остальных детей.

— Быстро к дальней стене! Вставайте! Просыпайтесь! Давайте, давайте! — кричал он, подталкивая сонных мальчиков и девочек, торопясь и нервничая. И было отчего.

— Да, старая, — подхватила Вера Афанасьевна, поднимаясь, хоть и не так быстро, как её подруга. Она передёрнула затвор автомата, засылая патрон, и направила оружие в сторону полутёмного туннеля. — Встретимся на пенсии... Там ещё чаю попьём. Говорят, чай там вкусный и высшего сорта!

— Кто говорит-то? — Зоя Павловна бросила на неё быстрый взгляд и вновь уставилась в коридор. — Неужто уже заглядывала на тот свет? Ты меня пугаешь!

— Да не, — махнула рукой Вера Афанасьевна. — Дед мой во снах навещает иногда. Говорит, знаешь, какой у нас там чай вкусный? Не то что наша солома из листьев крыжовника и смородины с малиной. Нет, тот чай — всем чаям чай! Заграничный, высшего сорта! Прямо м-м-м! Так что аж возвращаться на эту грешную Землю не хочется. Видимо, специально таким чаем поят, чтобы желание жить обратно не возникло.

— Ты бредишь, старая! — рассмеялась Зоя Павловна. — Умная вроде, учительница, а говоришь, как дурочка! Какой чай на том свете? Из Индии, что ли? Так у них там свой «тот свет» с кастами, мантрами и песнями. Им своих чаёв не хватает! Куда им ещё и нашим давать? Не гони! Наших, думаю, самогоном потчуют! Чистейшим, как слеза младенца, настоящим на берёзовых бруньках. Там ведь есть берёзовые бруньки, а? А дед твой, наверное, не хочет тебя пугать заранее, вот и говорит только про чай.

— Это вопрос веры, Зоя, — не сдавалась Вера Афанасьевна. — Кто верит в чай, тот и получит чай. А кому самогон милее... Знаешь, я тебя хочу разочаровать...

— Да ну тебя! — Зоя ткнула подругу локтем. — Знаю, что ты скажешь! Мол, самогон — зелёный змий, до старости не доживёшь. А я дожила, видишь? И там, глядишь, будем развлекаться: я к тебе с самогоном, ты ко мне с чаем! Так хоть не скучно будет!

— Да уж... — пробормотала Вера Афанасьевна и собиралась добавить что-то ещё, но не успела. Внезапно из тени коридора вырвалась рычащая тень и влетела в освещённое пространство. Вера моментально нажала на спусковой крючок, и два патрона впились в морду серого падальщика. Мутировавшая псина рухнула на грязный пол, не издав ни звука, но коридор наполнился лаем её сородичей. Дети в ужасе сжались у дальней стены, а баба Зоя, хмыкнув, ткнула подругу локтем в ответ.

— А?! Есть ещё порох в пороховницах! Я во время Великого Трындеца неделю от жажущих моей красоты отбивалась! И сейчас не подведу! Зоя, стреляем одиночными или по два патрона!

— Поняла, старая! — крикнула Зоя Павловна и выстрелила в следующую тварь, которая осмелилась сунуться в круг света. Кровь брызнула из простреленной морды, а Вера Афанасьевна, прицеливаясь в очередную цель, закричала: — Ну что, твари, держитесь!

Теперь смертельная бойня развернулась в туннеле, где когда-то жили люди, но от их жилищ почти ничего не осталось. Лишь маленький островок света и тесная клетка, в которой заперли детей ради их спасения. Только никакого ощущения безопасности у них не было, наоборот, появилось страшное чувство, будто их загнали в ловушку. В последнюю. Ведь появление зверей в коридоре означало, что наверху уже никого не осталось, и теперь между детьми и смертью стояли лишь две старушки, ожесточённо защищавшие подход к клетке.

Очередной падальщик вынырнул из тени и попытался вцепиться в ногу Зои Павловны, но был подстрелен Верой Афанасьевной и отброшен в сторону. Следующая тварь прыгнула на Веру, и теперь уже Зоя пришла на помощь подруге. Десять зверей лежали мёртвыми в круге света, а дальше, в темноте коридора, горели красные глаза ещё нескольких.

Пока Вера перезаряжала автомат, Зоя стреляла, и наоборот.

— Прощай, дорогая! — закричала Вера не своим голосом, когда одна из тварей схватила её за рукав серой телогрейки, разрывая плотную ткань.

— Куда без меня?! — в ответ завопила Зоя, расстреливая облезлую псину, напавшую на подругу.

Казалось, ещё пара падальщиков собирались напасть, что окончательно бы сломило старушек, но вдруг произошло нечто совершенно неожиданное.

Наверху загремели очереди автоматов, а затем — пулемёт, сотрясая воздух своим грохотом. Твари, которые уже готовы были атаковать бабушек, внезапно развернулись, прижали уши и трусливо бросились к выходу, спасать своих сородичей, гибнущих снаружи.

Коля, не понимая, что происходит, подошёл к решётке и прижался лицом к прутьям, пытаясь разобраться, что случилось. Бабушки, вымотанные до предела, сели на кушетки, трясущимися руками перезаряжая оружие. Их бледные лица говорили о том, что они сражались в последнем бою, но вдруг что-то наверху спасло их.

Всё стихло. Ни выстрелов, ни хриплого лая падальщиков. Все подозрительно переглянулись и уставились в коридор. Что это было? Кто это был? Надежды на защитников не остава-

лось — если бы кто-то выжил, звери не проникли бы в катакомбы. А ведь псы уже здесь, значит, город пал. Так кто же сейчас расстреливал тварей наверху? Кто пришёл на помощь тем, кто уже отчаялся?

Ответ на эти вопросы находился где-то на площади Михайло-Архангельского монастыря, но ни у бабушек, ни у детей не было ни сил, ни желания выходить и проверять, кто это.

Любопытный Руслан Озимов подошёл к Коле, встал рядом, всматриваясь в полумрак коридора. Чуть дальше, на арочном потолке тускло горели лампочки, освещая лишь ближайшие несколько метров. Проход, ведущий наверх, был скрыт за поворотом. К Руслану присоединились Катя Шестакова и Витя Соломин, и они замерли у решётки, затаив дыхание, в ожидании того, что произойдёт дальше.

Вера Афанасьевна и Зоя Павловна, переведя дыхание, поднялись с мест и, перезарядив автоматы, держали их наготове, направив на поворот коридора. Давящая тишина сгущала напряжение, а с каждой секундой надежда угасала. Оружие в их руках медленно поднималось вверх.

— Старая, по-моему, к нам кто-то движется, — прошептала баба Зоя.

— Тихо! — сурово шепнула в ответ баба Вера. — Не говори, а то не услышим.

Коля зажмурился, пытаясь сосредоточиться и вновь войти в состояние, в котором мог «гулять» вне своего тела. Но ничего не выходило — обстановка была слишком тревожной. В голове у него всплывал лишь этот бесконечно тёмный коридор. Как они тут жили? Чёрный туннель с ещё более мрачными, неясными сущностями, которые крадутся из темноты к их свету — словно чёрные мотыльки, летящие к огню. Эти существа несли с собой зло. Коля чувствовал это, хотя не мог понять природу этого зла. Двое... нет, трое незнакомцев приближались к повороту, за которым их ждали бабушки и дети. Тринадцать светящихся огоньков в тёмном, почти беспросветном туннеле ужаса, наполненном зловещими, тёмными фигурами. Перед поворотом шаги чужаков замедлились, словно они что-то обсуждали, а затем...

Коля распахнул глаза, и его тут же резанул неяркий свет. Чужаки что-то бросили в их сторону!

— Ложись! Граната! — заорал он, отдирая от решётки Руслана и толкая его вглубь клетки. Бабушки прижались к стенам, а среди тел падальщиков на полу блеснул металлический цилиндр. Но это была не граната.

Внезапно всё вокруг взорвалось ослепительным светом, а уши пронзил высокий звук на грани слышимости. Яркий белый шар заполнил всё пространство, пытаясь раздвинуть стены и вытолкнуть всех, кто был внутри. В течение нескольких секунд Коля почувствовал, будто умер и небеса уже приняли его. Но боль в голове от пронзительного звука говорила об обратном. Звук бил по мозгу, словно сейчас тот вытечет через уши. Мальчик, как и все остальные, свернулся на полу в позе эмбриона, пытаясь осознать, что произошло, но мысли путались. Ослепляющий свет и оглушающий шум буквально парализовали его.

Минуту спустя он начал приходить в себя и понял, что не умер. Это была всего лишь световая граната. Мир медленно возвращался к своему мрачному облику, дети на полу стонали и пытались подняться. Предметы в глазах Колиного сознания двоились и троились, а высокочастотный звон продолжал терзать мозг. Постепенно зрение начало восстанавливаться, и всё вокруг стало чётче.

Коля, дезориентированный, но уже собравший силы, первым встал на ноги и повернулся к освещённому пространству. Там находились чужаки. Бабушек оттеснили к одной из кушеток, отобрав оружие. Тела мёртвых зверей были разбросаны по сторонам. В центре сидел здоровяк с копной рыжих волос, торчащих из-под чёрной вязаной шапки, с такой же огненной бородой. Его грязный комбинезон защитного цвета и выдавшие виды белые унты довершали образ. В руках он держал странное укороченное ружьё-двустволку. Позади него стояли ещё

двое мужчин с автоматами. Их лица оставались спокойными, а взгляды — отстранёнными и затуманенными.

Рыжий молчал долго, словно чего-то выжидая, а жители Юрьева не решались заговорить с неизвестными, хотя те и спасли их от гибели. Но светошумовую гранату забыть было трудно, особенно когда она летит прямо в тебя. Поэтому и дети, и бабушки сидели молча, кто с ненавистью, кто со страхом, ожидая объяснений от пришельцев.

Наконец, сзади, из коридора, послышались быстрые шаги и тяжёлое дыхание. Через мгновение на свет выскочил четвёртый мужчина. Остановившись позади своих, он отрапортовал:

— Святой отец, я всё осмотрел. Других выживших нет. Везде тела — людей, собак, кошек и каких-то странных летающих существ. В двухэтажном доме сплошное кровавое месиво, невозможно понять, что произошло. В церкви выживших тоже нет. Эти, — он указал на детей, — единственные, кто остались живы. А ещё нашёл пять лошадей за домом, в закрытом сарае. Но они очень злые, чуть руку мне не откусили. Зубы у них ненормальные, клыки какие-то... Мутировавшие, видимо.

— Молодец, Андрей, — протянул рыжий, которого звали святым отцом, видимо, главарь. — Иди, охраняй наш дом на колёсах.

Потом он повернулся к клетке, усмехнулся и сказал:

— А у вас тут весело! Можно помереть со смеху!

— Ну так поржи в своё удовольствие и убирайся отсюда! — гневно выкрикнула баба Зоя, не обращая внимания на направленные на неё автоматы.

— Э... те-те-те... те-те-те... — сладким голосом протянул святой отец, резко наведя оружие на Зою Павловну. — Старому металлолому никто слова не давал! Что вы обе тут забыли? Старый мир умер, и вы с ним должны были уйти.

Рыжий замолчал на минуту, затем продолжил:

— Знаете, я столько по земле ходил, а таких древних, как вы, ещё не встречал. Ну, раз дожили до таких неприличных лет, значит, неплохо устроились. Но что вы тут делаете, на этой проклятой земле?

— Не твоего ума дело, что мы тут делаем! — резко ответила Вера Афанасьевна. — Святой ты или нет, судить нас права не имеешь!

— Те-те-те... — снова предостерегающе покачал головой рыжий, помахивая стволом перед бабушками. — Не-не-не! Есть у меня это право. И я могу им воспользоваться. — Его губы, ярко-алые под рыжей бородой, растянулись в ухмылке. Он встал, подошёл к бабушкам и направил ствол прямо в лицо Зои Павловны. — Разве вы не слышали? Я — святой отец! А значит, могу судить и прощать грехи. И ваших хватит, чтобы врата ада разверзлись под вами!

— И что же мы такого сделали? — с вызовом спросила баба Вера.

— Сделали, сделали! — рыжий перевёл ствол на неё, его взгляд стал злобным. — Вы — остатки тех, кто погубил этот мир. Убийцы, знает! «Не убий» помните? Все, кто жил до конца мира, виноваты в его гибели! И вы — не исключение.

— И ты! — резко выпалила баба Зоя. — И ты виноват! Разве ты не жил до конца света? Жил! Вижу по твоим злым глазам, что жил! Так что и ты виновен. Что-то не сходится в твоей мерзкой теории. С чего это тебе решать, кто виноват, а кто нет?

— Я очистился! — зло прорычал святой отец.

— Бухал, что ли?

— Я очистился кровью! — рявкнул рыжий, сжав оружие. Ещё миг, и он мог бы выстрелить, погубив бабушек. — Я убил столько грешных, что искупил свою вину перед смертью! Теперь я вправе нести свет другим и карать тех, кто этого недостоин! И если понадобится, я отправлю ещё больше на тот свет! Без сожалений, без раскаяний, без колебаний!

Он так сильно прижал стволы обреза к щеке Зои Павловны, что старушке пришлось отклониться и вжаться в холодные кирпичи коридора. Коля не выдержал.

— Не трогай её!

— Оставь её! — тут же подхватил Руслан, кипя праведным гневом, пару раз пнув клетку.

— Она тебе ничего не должна!

— Вот, кстати, и причина, по которой я здесь... — протянул рыжий. Он ещё несколько секунд держал ствол у лица бабы Зои, потом медленно отступил и сел на кушетку, словно собираясь с мыслями. Дети сбились в кучку, замерев от страха, лишь Руслан и Николай стояли отдельно. Николай чувствовал, будто сердца всех детей бьются в унисон, и их гул разносится по коридору, наполняя катакомбы, словно сама тьма ощущает их страх и питается им.

— Что ж, — начал святой отец, взмахнув оружием в сторону клетки, — отпирите их. Я здесь как раз за их душами. Если всё пойдёт как надо, возможно, никому умирать не придётся...

Бабушки переглянулись с тревогой.

— У нас нет ключей, можете обыскать нас.

— Не-не-не... — рыжий покачал обрезом. — Неправильный ответ. Есть замок — значит, должен быть и ключ. Одно не существует без другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.